

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ
СУМЕРКИ
2012

Дмитрий Глуховский

Сумерки

«АСТ»

Глуховский Д. А.

Сумерки / Д. А. Глуховский — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-059679-9

«Сумерки» Дмитрия Глуховского – первый российский интеллектуальный бестселлер. Полмиллиона человек прочли этот роман в Интернете. Те, кому понравилось «Метро 2033», узнают в «Сумерках» фирменный стиль Глуховского: увлекательный, замысловато выстроенный сюжет, удивительную атмосферность, неожиданный финал. Землетрясения в Иране, ураганы в США, цунами в Индонезии, засуха и пожары в России... Газетные заголовки и телевизионные новости переплетаются с мрачными пророчествами индейцев майя. Все это звенья одной цепи. Это знамения, которых не видит только слепой, но сумеет расшифровать лишь один человек. «Сумерки» – захватывающая история этого человека. Переводя на русский ветхий дневник испанского конкистадора, он оказывается вовлечен в водоворот невероятных событий, который поможет ему расшифровать прорицания и заглянуть в будущее – быть может, ценой его собственной жизни. Умело замаскированный под триллер, «Сумерки» – нечто намного большее. Это роман-метафора, роман-манифест. Погрузившись в «Сумерки», вы не сможете оторваться до самой последней страницы. А дочитав, не сумеете их забыть.

ISBN 978-5-17-059679-9

© Глуховский Д. А.

© АСТ

Содержание

Capítulo II	5
La Tarea	16
El Tremedal	27
El Auto de Fé	38
La Fiebre	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Глуховский

Сумерки

Capítulo II

Вопрос на засыпку: где в Москве находится улица имени Ицамны?

Рассуждая здраво, в этом городе не место проспектам, бульварам и площадям, названным в честь божеств индейцев майя. Однако записка с адресом «ул. Ицамны, 23» была у меня в руках, и меня там ждали. От того, насколько быстро я сумею разыскать эту улицу, зависело нечто намного более важное, чем просто моя собственная судьба.

Глупо думать, что на картах и автомобильных атласах Москвы обозначены все существующие переулки и дома: тайных мест здесь предостаточно. Однако надежда обнаружить улицу имени старшего из богов майянского пантеона не покидала меня, и я продолжил ползать с лупой по огромной топографической карте города.

* * *

Просто не надо было браться за этот заказ. Продолжать себе спокойно переводить уставы предприятий, инструкции по пользованию бытовой техникой, контракты на поставку древесины... То, чем я всегда и зарабатывал на жизнь. К тому же испанский никогда не был самым сильным моим языком. Но в тот день больше ничего другого не оставалось: когда я выложил на бурый полированный стол перетянутые резинкой толстые папки с переведёнными договорами, клерк, отсчитав мой гонорар, развёл руками.

– Пока всё. Не несут больше. После выходных попробуйте зайти... – и отвернулся к компьютеру, где его терпеливо дожидался столь любимый всеми офисными бездельниками пасьянс.

Я его знаю уже года три – с тех самых пор, как он пришёл в это бюро переводов. И до сих пор ни разу не решался настаивать, когда он вот так, равнодушно объявлял мне, что по крайней мере на неделю я останусь без денег. Но на этот раз что-то толкнулось во мне, и я сказал:

– Неужели совсем ничего? Посмотрите, а? Вы понимаете, как раз счёт получил, не представляю, как расплачиваться.

Он оторвался от экрана, удивлённый моей настойчивостью, и, потеряв низкий лоб, с сомнением протянул:

– Ну, вы же с испанским не работаете?

Счёт действительно лежал на моём столе, и его четырёхзначная итоговая цифра заставляла меня рисковать. Три года испанского языка в университете, законченном полтора десятка лет назад... Огромные аудитории с туманными окнами, удушливая меловая пыль, поднимающаяся от исцарапанной доски, никчемные архаические учебники, обучающие языку Сервантеса на примерах официальных контактов советских граждан Иванова и Петрова с сеньорами Санчесом и Родригесом. *Me gustas tú*. Вот, пожалуй, и всё. Ничего, словарь дома есть...

– Работаю, – застенчиво солгал я. – Недавно начал.

Он ещё раз окинул меня подозрительным взглядом но, всё же поднявшись со стула, прошаркал в соседнюю комнату, где у них хранились документы, и вернулся с тяжёлой кожаной папкой с полустёршимся золотым вензелем в углу. Таких мне ещё здесь видеть не приходилось.

– Вот, – он почтительно опустил её передо мной на стол. – Наш «испанец» что-то задерживает первую часть перевода, а тут уже вторую принесли. Отстаём, боюсь, клиента потеряем. Так что вы не затягивайте.

– А что там? – я осторожно взял папку в руки и взвесил её.

– Бумаги какие-то... Архивные, по-моему. Я особенно не смотрел, мне и так есть чем заняться, – он мельком взглянул на монитор, где его ждала разложенная колода карт, и продолжал тикать неумолимый счётчик времени.

Заказ оплачивался втрое выше обычного, и я поспешил скрыться с ним, пока клерк не успел передумать. У папки был такой роскошный, аристократический вид, что убирать её в мой драный портфель я не стал – почему-то вспомнилась история вечно голодного Тима Талера, которого вырывало, когда он впервые попробовал дорогой кремовый торт.

Затерянное в арбатских переулках бюро переводов размещалось в старом бревенчатом строении, там, где раньше находилась детская библиотека. Я бывал в нём ещё маленьким, вместе с бабушкой заходя за книжками о кругосветных путешествиях или замученных фашистами пионерах-героях, поэтому сейчас еженедельные посещения бюро были чем-то ностальгическим, как поход в заброшенный и заржавевший парк аттракционов – для человека, которого тридцать лет назад приводили сюда покататься родители. Въевшийся в обои и деревянные стены аромат старых книг перебивал резкий запах деловых документов и сладковатый флёр разогретой пластмассы, поднимавшийся от компьютеров. Для меня это бюро оставалось детской библиотекой... Вот поэтому, наверное, я сперва и не удивился, принявшись за перевод листов из кожаной папки.

Одного взгляда на них хватало, чтобы понять – они вынуты из книги, не вырваны, а именно аккуратно извлечены; разрезы по краям были сделаны с хирургической точностью, так и представлялась рука в резиновой перчатке, скальпелем проводящая по разложенному на операционном столе старинному тому. Я не видел ничего странного в таком пиетете – разделанная в неизвестных целях книга наверняка являлась настоящим сокровищем. На глаз страшицам было не меньше двухсот лет. Плотная бумага, от времени местами окрасившаяся в цвет

песка, но и не собиравшаяся тлеть, была покрыта чуть неровными рядами готических букв – кажется, напечатанными, хотя некоторые и отличались от других.

Страницы не были пронумерованы, но на лежащей сверху значилось: **Capítulo II**. Первая глава, очевидно, находилась у того переводчика, что взялся за работу до меня, но задержался с возвратом. Причина такого опоздания была ясна: и беглого знакомства с текстом мне хватило, чтобы усомниться, смогу ли я сам сдать перевод в срок. Несколько часов потребовалось только для того, чтобы свыкнуться с непривычным шрифтом и вгрызться в первый абзац неподатливого, зачерствевшего от давности текста.

К этому времени за окном уже совсем стемнело. Я всё больше работал по ночам, укладываясь в постель только на рассвете и просыпаясь во второй половине дня. Когда квартира погружалась в темноту, я зажигал всего две лампы – на рабочем столе и в кухне, и всю ночь жил, бродя меж двух этих огней. При уютном жёлтом свете сорокаваттной лампочки думалось куда лучше: дневной же резал мне глаза и потрошил черепную коробку: мыслей в голове совсем не оставалось, они прятались куда-то и там дожидались наступления вечера.

Проработав всю ночь, я обычно ложился часам к пяти утра. Задвинув плотные шторы и оставив первые лучи солнца скрестись в них снаружи, нырял под пуховое одеяло и мгновенно засыпал.

Сны у меня в последнее время были странные: почему-то часто видел свою любимую собаку, умершую лет десять назад. Во сне собака, разумеется, и не подозревала, что умерла, и вела себя совершенно как живая. А это значит, что с ней приходилось гулять. Во время прогулок она иногда убегала, (я и при жизни-то очень редко брал её на поводок – только чтобы перевести её через дорогу) и тогда добрую часть сна я должен был её разыскивать, выкрикивая изо всех сил её имя. Надеюсь, соседи этого не слышали. Обнаружить собаку до пробуждения мне удавалось не всегда, но это было и не важно: к следующему утру она сама находила дорогу домой и уже нетерпеливо ждала меня на пороге между сном и явью, игриво зажав в зубах принесённый поводок. Я так к этому привык, что, если вдруг в каком-то из сновидений её не оказывалось, проснувшись, я начинал беспокоиться – не случилось ли с ней чего.

Вникнуть в смысл десяти верхних строчек было непросто. По меньшей мере пятой части слов в словаре не находилось, а без его помощи я вообще узнавал только два-три из каждого предложения. К тому же почему-то каждый новый абзац непременно начинался словом «Что». То и дело отвлекаясь на причудливые желтоватые разводы, которыми столетия покрыли листы книги, я прилежно выписывал найденные мною слова на бумагу. Некоторые потом пришлось заменять, так как первый из предлагаемых переводов оказывался неверным. И чаще всего нужное значение было помечено сокращением *«устар.»*

Уже из первого абзаца становилось ясно – и эта гипотеза подтвердилась позже, когда я начал увязать в рассказываемой неизвестным автором удивительной истории – что текст представляет собой летопись некой экспедиции в лесистые долины Юкатана, предпринятой немногочисленным испанским отрядом. Даты встретились на следующих страницах: описываемые события происходили почти пять столетий назад. Середина шестнадцатого века... Покорение конкистадорами Южной Америки, вспомнил я.

Текст в том виде, в котором я привожу его здесь и далее, разумеется, является плодом старательной чистки и нескольких редактур. То, что у меня выходило в начале, было слишком сыро и невразумительно, чтобы я решился показывать его другим без опасения выставить себя на посмешище.

«Что по указанию брата Диего де Ланды, настоятеля монастыря в Исамале и главы францисканского ордена Юкатана, мы отправились в одну из отдалённых от Мани провинций, чтобы собрать и привезти обратно в Мани все манускрипты и книги из двух расположенных в этой местности храмов.

Что со мной вышли благородные сеньоры Васко де Агилар и Херонимо Нуньес де Бальбоа из Кордобы, и в нашем подчинении до сорока пеших и десяток конных воинов, и с нами две подводы, запряжённые лошадьми, в которых должны были мы привезти в Мани все манускрипты и книги, а также проводники из крещёных индейцев, которые должны были показать, где находятся те храмы, а также брат Хоакин, монах, в миру известный как Хоакин Герреро, которого приставил к нам брат де Ланда.

Что путь наш шёл на юго-запад, в местность плохо исследованную, и что достоверных карт у нас не имелось, почему брат Диего де Ланда и распорядился отправить с нами столько солдат, рискуя даже и обороной Мани. И что проводников он отправил самых надёжных, из своих собственных толмачей; всех троих брат Диего де Ланда крестил сам; и что первого звали Гаспар Чу, другого Хуан Начи Коком, а третьего Эрнан Гонсалес, двое из народа майя, живущего на Юкатане, а третий – Эрнан Гонсалес – полукровка, его отец – испанец, а мать – майя.

Что перед тем, как наш отряд вышел из Мани, пригласил меня к себе брат де Ланда, и объяснил мне задание и его важность, и сообщил, что наш отряд был только одним из многих, которые разослал он, брат де Ланда, во все концы от Мани с приказом найти и собрать все книги и манускрипты, написанные индейцами и хранимые в разных местах. И что ушли такие отряды на восток к Чичен-Ице, и на запад к Ушмалю, и в Экаб, и в другие места. И что брат де Ланда проверил потом, не стоит ли кто за дверью, подслушивая наш разговор, и тихо сказал мне, что на наш отряд возлагается самая ответственная задача; что верные люди донесли до него слухи, будто в отдалённых местах даже крещёные индейцы продолжают поклоняться своим старым богам, и их книги побуждают их отворачиваться от Христа. И потому, сказал брат де Ланда, он принял решение изъять у индейцев все их манускрипты, а затем и идолов, потому что через них души их соблазняет дьявол. И что если не воспрепятствовать этому сейчас, вскоре разрозненные майя снова смогут сплотиться и, отвергнув Христа, обернуться к своим сатанинским божкам; и тогда испанцев ждёт новая война, по сравнению с которой все немногие стычки при покорении Юкатана померкнут. И что велики хранилища манускриптов на северо-западе и северо-востоке, в заброшенных городах майя, но, по сообщениям верных людей, самые важные находятся в нескольких неделях пути к юго-западу от Мани, сказал Диего де Ланда.

Что туда и отправил брат де Ланда меня, и сеньоров Васко де Агилара и Херонимо Нуньеса де Бальбоа, и с нами брата Хоакина. И что поскольку местность была ещё не разведана, приставил к нам тех самых верных людей, которые донесли ему про храмы на юго-западе.

Что наш отряд вышел из Мани в назначенный день, 3 апреля 1562 года от рождества Христова, и отправился на север, не ведая о том, что выпадет на его долю, и не подозревая, сколь немногие из пятидесяти человек сумеют вернуться из похода живыми».

Я оторвался от листов и заложил карандашом словарь. В чёрном зеркале окна отражалось моё лицо: взлохмаченные волосы (стараясь подобрать верное слово, я каждый раз запускал в них пятерню), мягкий и довольно бесформенный нос, округлые щёки, уже хорошо заметная линия второго подбородка... Шагнув за тридцатилетний рубеж, я много раз истово клялся себе не запускать свою внешность. Но в этом возрасте следить за весом становится всё сложнее,

тело начинает выполнять заложенную в него программу, цели которой решительно расходятся с твоими, и каждая съеденная крошка норовит отложиться в стремительно растущих жировых складках, вероятно готовя тебя к ждущим где-то впереди чёрным дням. А после развода я и вовсе себя запустил...

Свои черты я с радостью променял бы на чьи-нибудь чужие, до того они мне обрыдли. После тридцать пяти лет в человеческом лице появляются первые намёки на то, каким оно будет выглядеть в старости. Уходящие вверх ото лба залысины набрасывают эскиз будущей плешки; морщины перестают разглаживаться, когда нахмуренная гримаса сменяется умиротворённым выражением или улыбкой; кожа дубеет и румянцу всё труднее сквозь неё пробиться. После тридцати пяти ваше собственное лицо начинает превращаться в *memento mori*, напоминание о смерти, которое всегда с вами.

Лично мне моё лицо приходится созерцать постоянно: стол стоит прямо у окна, за которым, когда я сажусь работать, уже обычно стемнело. Вымытое стекло зеркалит как поверхность тёмного лесного пруда, передавая контуры, но поглощая цвета. А мне кажется, что очертания моего лица, хорошо видного из-за соседства с настольной лампой, и уже нечёткие абрисы мебели, украшенного лепниной потолка и тяжёлой бронзовой люстры, отражаются прямо в густом ночном воздухе. А может, они и действительно существуют там, за окном, тем более яркие и отчётливые, чем сильнее горит свет в моей комнате. Но ночью я обычно тушу его во всей квартире, оставляя только лампы над рабочим столом и на кухне.

Свет на кухне у меня горит, даже когда сам остаюсь в комнате, и гашу я его только когда в неё заходит бледное утреннее солнце. Делается это вроде бы для уюта, но в этой квартире жить по-другому и не получается.

Она просторная, старая, с высоченными потолками – без стремянки перегоревшую лампочку не поменять, – обставленная рассохшейся антикварной мебелью из карельской берёзы, чинить которую не хватит никаких денег, а продавать невероятно жалко, – квартира досталась мне в наследство от моей бабушки. Та часто брала меня к себе пожить, пока я был маленьким, поэтому когда её не стало, а квартира досталась мне, я словно переехал обратно в своё детство.

Ещё раньше, пока бабушка была здорова, и я заезжал к ней в гости с ночевкой, меня не оставляло ощущение, что её дом словно чем-то дышит. Раньше я думал, что, даже когда она выходит на улицу, по углам продолжают перешептываться отголоски ее мыслей, а в коридоре шелестит эхо ее шагов. Теперь мне кажется, что квартира просто живёт своей собственной жизнью. Окна у меня выходят на разные стороны, и из-за этого по коридору часто гуляют сквозняки, а неплотно прикрытые двери посреди ночи вдруг начинают хлопать. Бывает, и положенный лет сто назад дубовый паркет принимается поскрипывать, будто по нему кто-то ходит. Паркет, конечно, можно смазать специальным средством, а на окна поставить стеклопакеты, и тогда все привидения исчезнут, но мне эта квартира нравится именно такой... Живой.

Прежде чем снова погрузиться в переводимый текст, я ещё раз взглянул в окно. Что-то зацепило меня... Я некоторое время озадаченно всматривался в очертания лица, утопленного в глади ночного воздуха, прежде чем смог, наконец, разобраться, в чем дело. Человек в зазеркалье неуловимо отличался от того, что уныло глядел на меня с другой стороны еще вчера.

Разница была в глазах. Обычно чуть ословевшие, отсвечивающие стекляннным блеском, как у чучел кабанов и медведей в знаменитом арбатском охотничьем магазине, сегодня они, казалось, сами излучали свет. Неудивительно: впервые за долгие годы я занялся работой, которая меня заинтересовала.

«Что путь наш лежал через зелёные и весьма живописные луга, которые потом сменялись непроходимой сельвой; и что лишь благодаря помощи троих наших проводников удавалось нам пробраться через заросли, которые вставали посреди дороги. И что двое из индейцев всегда шли впереди отряда и, когда было необходимо, своими длинными ножами рубили стебли,

расчищая путь, а вслед за ними шли несколько солдат, охранявшие их от диких животных и врагов. И что третий проводник обычно шёл рядом со мной, сеньором Васко де Агиларом и Херонимо Нуньесом де Бальбоа.

Что поход наш пришёлся на конец сухого времени года, вслед за которым на Юкатане и в других частях этой земли начинаются месяцы дождей. И что даже вдалеке от индейских поселений в воздухе стоял запах гари, и солнце было тусклым из-за дыма от сожжённых деревьев и кустарника, потому что в апреле и мае, перед тем, как начинается сезон дождей, индейцы выжигают обширные участки сельвы и кустарника, готовя их к возделыванию на будущий год. И что все равнинные области земель майя в эти недели затянуты дымом, и после этого целых шесть месяцев здесь идут ливни, и к декабрю на удобренной сажеей и политой дождями земле индейцы сажают маис, который растёт необыкновенно хорошо, так что один земледелец может прокормить двадцать человек.

Что, по наказу брата Диего де Ланды, мы избегали известных дорог, и поэтому продвигались всё медленнее. И что сначала мы хотели бросить подводы, приказав части отряда вернуться с ними обратно, но потом проводники вывели нас на старинный тракт, укрытый от посторонних глаз разросшимися кронами деревьев; и что вдоль тракта встречались каменные статуи, изображающие сказочных уродцев, каких я видел в Мани рядом с храмами майя. И что также проезжали мы мимо стел, покрытых крошечными значками, о которых брат де Ланда в одной из бесед говорил мне, будто эти значки – буквы юкатанского языка, им постигнутые.

Что первые дни наше путешествие протекало без препятствий и затруднений. Деревни индейцев встречались на нашем пути всё реже; и что после того, как мы углубились в сельву, больше не увидели ни одного человека. И что дикие звери также не тревожили нас, только раз ночью дозорный услышал в зарослях неподалёку крик ягуара, но хотя с нами были лошади, зверь не стал преследовать нас. И что сопровождающие нас индейцы сказали, что это хороший знак.

Что пропитания для нас, и для солдат, и для проводников хватало: с собою мы везли вяленое мясо и сухие лепёшки, и иногда проводники собирали для нас в лесу съедобные плоды, несколько раз отправлялись и на охоту, принося убитых обезьян-ревунов, а на четвёртый день стрелой убили оленя, мясо которого мы справедливо разделили между солдатами, а охотники получили вдвое больше.

Что на пятый день пути, когда наш отряд остановился на привал, ко мне подсел один из проводников, Гаспар Чу, и спросил меня шёпотом, знаю ли я, зачем брат Диего де Ланда отправил нас в этот поход. И что помня об осторожности, я ответил, что нам приказано разыскать некие книги и привезти их с собою в Мани, а прочее мне неизвестно. И что Гаспар Чу долго смотрел на меня, а потом ушёл, и мне показалось тогда, что он мне не поверил.

Что наавтра, когда я ехал в конце отряда, замыкая его и наблюдая за подводами, ко мне обратился другой проводник, полукровка Эрнан Гонсалес, и попросив задержаться, так чтобы другие не слышали нас, сообщил, что в некоторых областях майя, в частности в Майяпане, Яшуне и Тулуме, испанские солдаты жгут индейские книги и идолов. И что этот Эрнан Гонсалес спросил меня, почему они так поступают, и нет ли похожего

приказа у меня. И что хотя я и догадывался теперь, зачем брат Диего де Ланда отрядил нас в этот поход, я всё же ответил второму проводнику так же, как и первому, сказав, что жечь манускрипты и статуи брат де Ланда от меня не требовал, а только велел привезти их в целости и сохранности в Мани, а зачем, я не знаю и сам.

Что на следующий день, беседуя с моими компаньонами, сеньорами де Агиларом и Нуньесом де Бальбоа, я открыл, что наши индейские проводники спрашивали то же и у каждого из них, но ни один, ни другой не знал о целях нашей экспедиции больше моего; я же, следуя наказу брата де Ланды и внимая голосу моего ангела-хранителя, не стал рассказывать им о своих догадках. И что позже выяснилось, что догадки эти были верны только частично, истина же оказалась куда более невероятной и мрачной, нежели я смел думать...»

Я отложил в сторону листы и словарь, посмотрел на часы: стрелки показывали половину второго ночи. В горле пересохло; в середине рабочего вечера, часов в одиннадцать, я обычно пью чай. Поднявшись из-за стола, я поплыл через полумрак своей квартиры на кухню.

Вечерний чай для меня – целый ритуал, который, помимо всего остального, даёт мне возможность минут на двадцать забыть о таинствах устройства стиральных машин и пенях за срыв поставок куриных окорочков.

Воду я грею на газовой плите. Чайник у меня под стать квартире – тоже старый, невероятно уютный – красный с белыми горошинками, эмалированный, с широким носиком, на который, прежде чем ставить на огонь, нужно водрузить блестящий свисток. Чтобы снимать его с плиты и поднимать крышку, есть особая стёганая кухонная рукавица – такая же красная. Чайные листья зачерпываю из бумажного пакета серебряной ложечкой с закрученной в спираль ручкой и сыпаю их в ещё давным-давно привезённый кем-то из Ташкента тёмно-синий фарфоровый заварочный чайник ручной работы.

Положить две ложки рубленых листьев в вымытый и вытертый досуха чайник, залить их кипятком, прикрыть крышкой, и терпеливо ждать долгие пять минут. Из-под крышки и из носика начинает выходить благоуханный пар, он дразнит, но спешить нельзя: чай ещё не настоялся.

Обычно я скрашиваю ожидание, листая купленные днём газеты, но сегодня всё было по-другому. По привычке раскрыв уже вчерашние «Известия», я механически уставился на одну из статей, но напечатанные мелким газетным шрифтом буквы не могли удержать взгляд; он соскальзывал и запутывался между строчками. Вчитаться не удавалось; смысл заметки заслоняли призрачные переплетения ветвей и лиан той сельвы, сквозь которую пробирался отряд Васко де Агилара, Херонимо Нуньеса де Бальбоа и самого безымянного рассказчика, описавшего их поход. Через несколько минут я поймал себя на том, что околоченно смотрю в пространство между заголовком и фотографией к материалу о грандиозном цунами в Юго-Восточной Азии. Без особого любопытства я проглядел статью и сложил газету.

Намного больше меня занимало то, почему человек, обладавший этим странным текстом, отдал его в банальную переводческую контору. За все годы моей работы в этом бюро мне ни разу не попадалось ничего подобного; насколько я понимал, книгами вроде этой занимаются совсем другие люди... Наверняка какие-нибудь доценты, высасывающие свои докторские диссертации из очередного досконально изученного эпизода завоевательной экспедиции Кортеса. Вряд ли такие издания вообще покидают пределы архивов академических библиотек, где хранятся под стеклом в особом микроклимате. Можно, конечно, допустить, что некоторые окажутся затеряны на складах частных букинистических магазинов, где их посчастливится найти некому коллекционеру... Но если у такого коллекционера хватит средств, чтобы приобрести похожую книгу, к чему ему отдавать её в руки неизвестных переводчиков, которые могут потерять или повредить бесценное издание? Почему не пригласить одного из тех самых универ-

ситетских доцентов к себе домой, чтобы там, со всем возможным почтением переворачивая хрупкие старые страницы, он не просто переводил их, но и снабжал необходимыми комментариями? Зачем доверять такое дело профану?

И уж совсем неясно, как мог этот гипотетический коллекционер безжалостно расчленил такой экземпляр. Уж не преувеличивал я его ценность? Или обладатель книги приобрёл её уже в таком виде? А может, он просто не хотел, чтобы весь том сразу оказался в руках слишком любопытного читателя?

Чай наконец заварился; процедив его сквозь ситечко в мою любимую кружку, сделанную в виде кувшина с узким горлышком (так медленнее остывает), я поспешно вернулся в комнату, где под палящим светом настольной лампы покачивался в скрипучем кожаном седле так пока и не представившийся мне благородный сеньор, с достоинством дожидаясь, пока я закончу свои дела и снова присоединюсь к нему, чтобы дослушать его рассказ.

«Что по мере нашего продвижения дальше на юго-запад отряд наш встречался всё с большими сложностями; и что хотя продовольствия хватало пока на всех, солдаты начали роптать. И что допросив одного из них, я узнал, что многие уже слышали о цели нашего похода, и были ей недовольны. И что и я, и сеньор Васко де Агилар, и сеньор Херонимо Нуньес де Бальбоа были этим удивлены, потому что все отряженные с нами солдаты ранее выполняли и более серьёзные задания; были среди них и такие, с которыми я лично сжёг несколько мятежных деревень.

Что допрошенный нами солдат не стал ничего скрывать, и признался, что причина такого недовольства была в распущенных кем-то слухах, будто каждый из нас окажется проклят индейскими богами, если мы наложим руку на их священные книги. И что хотя я догадывался, кто распускает эти слухи, решил пока не карать этих людей, не наказывая и ропчущих солдат. И что брат Хоакин только сказал ему, чтобы тот не боялся деревянных и каменных идолов, а лучше помнил о гневе Господнем, страшном для всех позабывших о том, кто остаётся во все времена Богом истинным; и сказал, что Пресвятая дева защитит нас от дьявольских козней, посмей Сатана покушаться на христиан через индейских божков.

Что когда этот солдат, пристыженный, ушёл от нас, брат Хоакин настаивал, чтобы его висечь, а выдумавших эти богохульные сплетни найти и повесить. Но что я, как и сеньоры Агилар и Нуньес де Бальбоа не согласился с ним, убоявшись бунта и не желая терять проводников, зайдя в лес уже так далеко. И что вместо этого под вечер я призвал к себе полукровку Эрнана Гонсалеса и указал ему, что он и другие проводники должны перестать говорить, будто нас ожидают козни индейских богов, и что ему, и Гаспару Чу и Хуану Начи Кокому как крещёным христианам не подобает верить в такое самим, и угрожал ему костром. И что он заверял меня, будто сам никогда не верил в богов майя и не боялся их, а всегда оставался верен Господу нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице; но, уходя от меня, обернулся и шёпотом сказал, что я не ведаю, что творю.

Что на следующий же день сплетни прекратились, но им на смену пришла новая напасть. Что широкая дорога, по которой двигался наш отряд, начала сужаться, пока не стала обычной тропой, по какой могла пройти одна лошадь с всадником, но подвода пройти не могла. И что после совещания мы решили вначале рубить кусты и деревья по краям тропы, дабы запряжённые лошадьми подводы всё же смогли идти вперёд, но на это уходило

слишком много времени, и даже когда лес рубили солдаты вместе с индейцами, мы не сумели продвинуться более чем на пол-лиги до захода солнца.

Что поэтому на следующий день решили оставить подводы с охраной и одним проводником на месте, расчистив вокруг них необходимое пространство для обороны в случае неожиданного нападения, и взяв двадцать пять человек и двух индейцев, отправиться далее, чтобы разведать местность и узнать, скоро ли закончатся заросли. И что местом для их стоянки мы выбрали прогалину, на которой стояли несколько каменных идолов, потому что на ней деревья росли редко, и работы с их вырубкой было меньше. И что на этой поляне под командой сеньора Херонимо Нуньеса де Бальбоа с подводами остались десять арбалетчиков, и трое воинов с аркебузами, и двое конных, а также индеец Гаспар Чу, прочие же ушли со мной и сеньором Васко де Агиларом.

Что мы условились вернуться через три дня или ранее, а всего же они должны были ждать нас не менее недели, после чего ступить обратно к Мани. Что брат Хоакин, благословив остающихся, решил отправиться вместе с нами. Что обустроив лагерь и попрощавшись с нашими товарищами, мы вышли в путь утром следующего дня.

И что с тех пор я больше никогда не видел благородного и отважного сеньора Херонимо Нуньеса де Бальбоа и никого из оставшихся с ним солдат, живыми или мёртвыми».

Я снова взглянул на часы: было уже начало пятого. Хотя обычно приблизительно в это время я встаю и иду на кухню, чтобы приготовить себе ужин, на сей раз голода я не ощущал; единственное, чего мне хотелось – узнать, что же было дальше.

Уже намного позже я постиг замысел человека, писавшего эти страницы: рассказываемая им история напоминала болото. Стоило вступить в неё – причём было совсем необязательно читать его книгу сначала, – и прерваться казалось невозможным, куда оставались непрочитанные страницы. Автор словно преднамеренно расставлял среди строк силки, заманивая неосторожного читателя обещаниями грядущих тайн, намекая на исключительность случившегося с ним и вместе с тем не позволяя ни на секунду усомниться в действительности описываемых событий.

Всё сильнее подмывало бросить переводить этот рассказ по абзацам и сразу прочитать его до конца. Обычно я так и поступаю, чтобы сперва охватить общий смысл текста. Но здесь был слишком сложный язык, и я боялся, что если начну перескакивать через незнакомые слова, которых было больше половины, от меня может ускользнуть некая драгоценная деталь, дающая ключ к пониманию будущих загадок.

И чем дальше я читал, тем больше мне казалось, что мне довелось столкнуться с крайне необычным документом. Отчего-то я был совершенно уверен, что не перевожу, скажем, известный приключенческий роман восемнадцатого или даже девятнадцатого века, подложенный мне знакомым шутником. В этих листах, в этих буквах, в этих предложениях всё было подлинным: и неровно обрезанная по краям бумага, и заметные под лупой различия между печатными знаками, и скупой, точный, офицерский язык повествования.

Пока я размышлял, стоит ли идти на кухню, чтобы ставить на огонь воду для спагетти, глаза, будто притянутые магнитом, сами собой вернулись на то место, где я закончил перевод. Вопрос был решён.

«Что мы достигли того места, где сельва заканчивалась, ещё до наступления темноты. И что когда мы вышли из леса, то увидели, что стоим на высоком берегу неизвестной реки, не очень широкой, но

стремительной, с непрозрачной водой зелёного цвета; и что на пологом берегу местность идёт открытая, и земля там поросла только невысокой травой, а в отдалении виднеются горы с отвесными скалистыми краями.

Что, посоветовавшись с сеньором Васко де Агиларом, мы хотели идти назад вечером того же дня, встав на привал, где нас застанет ночь. Что во время нашей с ним беседы с северо-востока, откуда мы пришли, послышался далёкий грохот; и что, приняв его за выстрел из аркебузы, мы подумали, что это сигнал тревоги, подаваемый нашими товарищами, оставшимися с подводами. Но что когда один из проводников взобрался на дерево, чтобы посмотреть, не видно ли чего, то сообщил, что с той стороны, откуда был слышен звук, на нас идёт гроза.

Что оба индейца и те из солдат, которые служили на Юкатане уже не первый год, были очень удивлены этим, потому что до сезона дождей оставалось ещё несколько недель, и непогода была редка.

Что по прошествии некоторого времени с северо-востока снова послышался грохот, но теперь он напоминал гром более отчётливо, потому что источник его был ближе. И что менее чем через полчаса чёрные тучи заволокли небо и над тем местом, где мы стояли, и начался ливень, а за ним и гроза.

Что из-за бури в тот день мы не смогли выйти в обратный путь, а решили остаться на ночлег там, где стояли. И что разбили там лагерь, выйдя из-под деревьев. И что гроза бушевала всю ночь, и молнии сверкали прямо над нашими головами; и что в одного солдата, укрывшегося вопреки приказу под деревом, попала молния, убив его. И что это навело немалый страх и на индейцев, и на остальных солдат.

Что на следующий день погода была снова ясной, и солнце пекло жарко. И что погибшего солдата похоронили по христианскому обычаю, а брат Хоакин отпел его и помолился за прощение его грехов. И что пока возвращались к месту, где оставили подводы с охраной, солдаты опять говорили про индейских божков, и про попавшую в их товарища молнию; и чтобы помешать им поддерживать эти сплетни, я всё время держал обоих проводников при себе, однако солдаты всё равно продолжали твердить свое.

Что дорогу к лагерю мы нашли без труда, хотя земля и разбухла из-за дождя; но что когда вышли на ту поляну, где оставили подводы и охрану, там не было ни души; и что приказав всем солдатам ждать нас на месте, я с сеньором Васко де Агиларом и двумя индейцами обследовал и поляну, и дорогу, уходящую от неё в обратном направлении. И что не обнаружил ни следов борьбы, ни брошенных вещей, ни оставленных знаков, ни отпечатков от колёс телег и конских подков; и что поскакал дальше по дороге, надеясь найти хоть кого-то из отряда, или какие-то следы, но, проскакав полчаса, никого не повстречал и вернулся.

Что за время моей поездки проводники обнаружили то, чего мы не увидели в начале: одна из каменных статуй божков, стоявшая среди деревьев и скрытая их густой листвою, оказалась вся измазана засохшей кровью. И что подумал я на индейца Гаспара Чу, заподозрив его в предательстве, и хотел приказать схватить двух остальных, но прежде чем успел это сделать, меня подозвал сеньор Васко де Агилар, осматривавший небольшую поляну чуть поодаль от главной.

И что на этой поляне стоял большой квадратный камень с углублением посередине и желобками, отходящими от него к краям; и на этом камне лежал наш проводник Гаспар Чу, и одежда с него была снята, и его грудная клетка рассечена и раскрыта, и сердце его было изъято и пропало.

Что, договорившись сами ничего не рассказывать солдатам, под страхом виселицы запретили делать то же и проводникам, поспешно покинули это место, и не оглядываясь на него, двинулись снова на юго-запад».

За окном шумел дождь, но, в отличие от сухого сезона на Юкатане, для октябрьской Москвы в нём ничего необычного не было. Я с надеждой перевернул последний лист, ища начало следующей главы. Тщетно: там только было нарисовано, кажется, от руки, и довольно неумело, престранное существо. Это был уродливый человечек с длинным носом, сидящий, вытянув ноги и оперевшись в них одной рукой. Другая была выставлена вперёд и повернута ладонью вверх; с шеи свисало ожерелье с привязанным к нему талисманом. Под картинкой стояла подпись «Час». Этого слова я не нашёл ни в одном словаре, ни той же ночью, ни на следующий день, когда подчищал и редактировал текст в библиотеке, перед тем как сдать его в бюро.

Когда всё было готово, я обозначил рисунок в переводе его неубедительной копией, снабжённой оправдательной надписью «Рис. 1», так и оставив название непереверждённым. Аккуратно уложив листы в папку, я ещё раз бросил взгляд на последний из них, прежде чем закрыть её. Уродец на картинке торжествующе улыбался. Я поскорее защёлкнул латунный замок и начал одеваться.

На моём столе лежали две одинаковые стопки бумаги: два экземпляра переписанного начисто и набранного перевода второй главы книги, названия которой я пока не знал, но собирался выяснить в ближайшее время. Один из них я положил в пакет вместе с кожаной папкой. В моём контракте нигде не было сказано, что я не имею права оставить себе копию.

La Tarea

Дождь хлестал по окнам и сёк мой плащ и в этот день, и на следующий, когда я возвращался в переводческую контору, надеясь получить новую главу книги. Причитавшийся мне гонорар был выплачен сполна сразу же, как только я сдал папку. Однако когда я спросил про следующую часть заказа, клерк покачал головой.

– Пока не было. Вот, кстати, тут у меня пара договоров на поставку шоколадных конфет и сигар, – он достал откуда-то из-под стола пластиковые пакеты-кармашки с белыми листами стандартного размера и искоса глянул на меня, ожидая, что я расплывусь в обычной признательной улыбке.

– Договоры? Ах да... Спасибо, – я спохватился и взял пакеты, но разочарование, проскользнувшее в моём голосе, не осталось незамеченным.

– Не всё же вам по тройной цене заказы переводить, – прохладно урезонил он меня.

– Разумеется... Просто задумался, извините, – я постарался, чтобы мой ответ прозвучал виновато, но сам думал только о том, что взяв сейчас на перевод эти договоры, я создаю себе оправдание для того, чтобы зайти сюда ещё через пару дней и узнать, не принесли ли третью главу.

– Да, кстати... Что там было, в папке? Самому лень разбираться, а теперь как-то любопытно стало, – смягчился клерк, и в его голосе мне послышались интонации, напоминающие человеческие.

– В папке? Вы были правы, совершенно правы. Архивные документы, – мне наконец удалось взять себя в руки и выдать любезную улыбку.

– Ну да, ну да... – покивал клерк. – А вы знаете, – неуверенно окликнул он меня, когда я уже развернулся, чтобы уходить, – «испанец»-то наш так и не вернул заказ... И на телефон не отвечает.

Пробормотав что-то утешительное, я скатился по лестнице и вылетел на улицу. У меня внутри творилось примерно то же, что у маленького ребёнка, которому пообещали на Новый Год пожарную машину с работающей мигалкой и сиреной, а подарили какой-нибудь жалкий пластилиновый набор.

Хотя с чего я взял, что продолжение книги вообще существует, или что её обладатель захочет отнести её в то же бюро, где потеряли по небрежности какого-то переводчика целую главу его сокровища? Положительно, будь я на его месте, ноги бы моей больше не было в этой конторе. Поэтому стоило просто приучить себя к мысли, что хотя работа над книгой и была делом увлекательным, но жизнь продолжалась и без неё. В конце концов, если мир индейцев майя и хроники экспедиций конкистадоров оказались для меня такой интересной темой, почему бы просто не купить себе пару исторических книг о Кортесе или летописи коренного населения Южной Америки?

Однако, к своему удивлению, я обнаружил, что ни в одном солидном книжном магазине мало-мальски серьёзной книги о завоевании конкистадорами полуострова Юкатан купить нельзя. Были какие-то паршивые издания вроде «Загадок таинственной цивилизации майя» пера Райнхарда Кюммерлинга, но о самой цивилизации там не было и полслова. Автор обходился скверного качества снимками каких-то черепков, развалин величественных пирамид и площадок для игр, наполовину поглощённых джунглями, а также подробным перечнем того, в каком из заброшенных городов какие из этих снимков и археологических находок были сделаны.

Нашлось там, однако, нечто, что всё же заставило меня купить эту книгу. Во вступлении вскользь упоминался епископ-францисканец Диего де Ланда, который оказался вполне исторической личностью и действительно в своё время был настоятелем монастыря своего ордена в юкатанском городе Исамаль. Также коротко шла речь и о некой истории с аутодафе в Мани, за которую этот де Ланда был призван в Испанию, где его дело рассматривали высшие духовные чины. Но потом его поступки были признаны обоснованными, и де Ланда вернулся на ставший уже ему родным Юкатан, чтобы к старости по праву занять епископский пост.

К сожалению, подробнее об интриге вокруг настоятеля францисканского монастыря там не рассказывалось, хотя имя брата Диего де Ланды всплывало ещё в нескольких местах, в основном, когда речь шла о расшифровке значков, которыми писали индейцы цивилизации майя. Он был первым европейцем, научившимся их читать.

Позже, правда, выяснилось, что та схема расшифровки, которую предложил де Ланда, оказалась ошибочной. Старик был развращён алфавитной системой и решил, что ей обязан пользоваться весь мир, в том числе и обитатели Юкатана. Он разработал подробнейшую систему фонетического соответствия между «буквами» юкатекского языка и звуками, доступными испанскому уху. Книга «Тайны загадочной цивилизации майя» полностью приводила её на двухстраничной вкладке – видимо, просто чтобы заполнить место. На следующей же странице система де Ланды дискредитировалась современными учёными-лингвистами. Буквы юкатекского языка оказались иероглифами, и каждый из них нёс отдельное значение, а не передавал звук.

Я вспомнил об испещрённых странными значками стелах, мимо которых ехал отряд конкистадоров в прочитанной мной главе старинной книги. Автор отчёта утверждал, что был лично знаком с де Ландой, и тот даже якобы говорил ему, что умеет читать по-юкатекски... Вся книжонка Кюммерлинга о загадках майя была, конечно же, никчемной шелухой, очередной попыткой продать охотникам за НЛО и лохнесским чудовищем скучные археологические изыскания, упаковав их в яркую обёртку. Но под этой шелухой я нашёл бесценное ядрышко, сладкую сердцевину, которую и надеялся там отыскать: подтверждение того, что переводимая мною с таким упоением история оказалась невыдуманной. Во всяком случае, если в ней фигурировали реальные исторические персонажи, значит, и сам автор и главный герой повествова-

ния вполне мог оказаться действительно жившим когда-то человеком, а не плодом фантазии беллетриста или искусного мистификатора.

Упоминания о личности Диего де Ланды даже придавали больше достоверности и необъяснимому исчезновению пятнадцати испанских солдат под командованием Херонимо Нуньеса де Бальбоа, и страшной смерти их проводника. Верить в то, что речь и вправду могла идти о неких аномальных явлениях, я не спешил и ждал, что в следующих главах отчёта его составитель откроет, что же произошло на самом деле.

Наспех пролистав до конца купленную книжку о тайнах майя, но так и не наткнувшись в ней ещё на что-либо важное, я поставил её на полку и сел за переводы, пообещав себе посвятить следующий же свободный день более подробному изучению Конкисты и географии полуострова Юкатан.

На шоколадные конфеты и сигары ушло три ночи. С ними можно было бы расправиться и быстрее, но я сознательно оттягивал день сдачи в надежде, что, когда принесу готовый заказ, толстая кожаная папка с золотым вензелем уже будет томиться в бюро.

Моё отражение в ночном стекле снова приняло привычный вид. Измороженный описанием ГОСТа сладостей и оговорками предельно допустимого содержания консервантов, я боролся со сном, наливая себе крепкого чёрного чая, заваренного вдвое гуще обычного. Вместо строчек дневной газеты, рассказывающей, что число жертв цунами в Азии достигло нескольких сотен тысяч человек, мне снова виделись вычурные старинные буквы, а в жалобном писке рассохшейся антикварной мебели чудился скрип канатов на мачтах испанских каравелл.

Моя маленькая хитрость удалась: в следующий раз, зайдя в бюро с вымученными переложениями российско-британских торговых соглашений с английского на русский, я столкнулся взглядом с клерком. Тот, вопреки обычному, не сидел за компьютером, уткнувшись в карточную колоду, а с озадаченным видом расхаживал по тесному загону за своей конторкой.

– У меня для вас работа, – сообщил он, стоило мне перешагнуть порог.

– Инструкции или уставы? – обречённо уточнил я.

– Приходил заказчик, с которым вы работали до этого. Испанский текст, помните? Очень хвалил ваш перевод. Настаивал, чтобы следующую часть дали непременно вам. Да... и ещё он просил поднять вам оплату на четверть. Сказал, что крайне важно, чтобы текст переводил правильный человек, на это денег не жаль, что-то в этом духе.

– А что же, из-за потерянной первой части у вас не будет неприятностей? – как бы между прочим поинтересовался я.

– Представляете... Сказал, причин волноваться нет. Мол, он... Нет, он сказал «мы», значит – они. Они сами её разыщут.

Я молча кивнул. Он тоже больше не проронил ни слова, в полной тишине вручив мне ту самую коричневую папку с застёжками, и уставившись в отчётность. Заключив, что аудиенция окончена, я поспешил ретироваться.

Моё возвращение на Юкатан было обставлено со всей возможной торжественностью. Я загодя приготовил себе чая с печеньем, настроил старый радиоприёмник на какую-то испаноязычную волну, спрятал ноги в уютные войлочные тапки и только после этого уселся наконец за стол. После тёплых слов и ещё больше гревших душу премиальных, которых удостоился мой перевод, я не удивился бы, если увидел в папке запечатанный сургучом конверт с личным письмом, поясняющим мне цель и важность этой работы. Но внутри лежала только стопка аккуратно вырезанных из книги пожелтевших листов, на каждом из которых теснились знакомые чуть выцветшие от времени латинские буквы. Заголовок на первой странице был набран готическим шрифтом: **«Capítulo III»**.

«Что после описанных в предыдущей главе удивительных и страшных событий наш отряд продолжил свой поход в юго-западные области страны майя и сумел быстро достичь той реки, у которой авангард его под моим и

сеньора Васко де Агилара командованием остановился накануне; и что погода благоприятствовала нам в этом, и ливней, подобных прошедшему в тот день, более не повторялось до наступления их природного срока.

Что сомнения и недовольство в отряде росли, и солдаты спрашивали, куда пропали подводы и их товарищи, оставленные при этих подводах. Что с сеньором Васко де Агиларом мы уговорились отвечать им, будто оставшиеся с Херонимо Нуньесом де Бальбоа решили отправиться назад в Мани, и будто я видел следы телег и копыт, где кроны деревьев уберегли их от дождя. И говорить также, будто я и Васко де Агилар нашли послание от сеньора Нуньеса де Бальбоа, в котором тот объяснял, что принял решение сняться и возвращаться в Мани из-за начавшейся среди его людей лихорадки. И что источник этой болезни должен был находиться неподалёку от их стоянки, отсюда и поспешность, с которой наш собственный отряд покинул это место.

Что многие поверили такому рассказу, поскольку он звучал достовернее того, что мы обнаружили на самом деле. И что правду мы передали только брату Хоакину, потому что он был доверенным лицом брата Диего де Ланды, прочим же всем сказали про лихорадку. И что сомневались в этом рассказе только наши проводники, но, убоявшись наказания, не стали распространять то, что знали.

Что выйдя снова к реке, названия которой я не упомяну, хотя проводники мне его и сообщали, мы без трудностей преодолели её, переправившись в мелком месте; и что индеец Хуан Начи Коком предупредил нас, что в разгар сезона дождей эта река наполняется водой, и переправа становится делом намного более сложным; так же труднее будет пройти и через болота, которые начнутся вскоре за ней, поэтому времени терять нельзя, и теперь, когда подводы большие не идут вместе с нами, воспользоваться этим и двигаться быстрее.

Что после потери подвод, на которых размещалась и наша провизия, пришлось добывать пропитание для солдат охотой, которой занимались проводники. И что самой частой добычей теперь были птицы, которых они ловили в силки, пока отряд отдыхал на привале; но что иногда удавалось им стрелой или дротиком, которыми были вооружены, убить и оленя.

Что через два или три дня, в которые мы шли по открытым местам, впервые более чем за неделю встретили на нашем пути людей. И что те приняли нас настороженно, хотя и говорили на том же наречии, что и наши проводники, и мы могли с ними объясниться. И что хотя я приказал своим людям вести себя сдержанно, и запретил им касаться жёниц этих индейцев, равно как и их имущества, они всё же не позволили нам войти в их деревню. И что через проводников удалось договориться обменять некоторые из имевшихся у нас предметов на маисовую муку, и лепёшки, и плоды; а после индейцы потребовали, чтобы мы уходили от их деревни.

Что вечером того дня на привале я спросил у одного из проводников, полукровки Эрнана Гонсалеса, почему индейцы эти так обращались с нами, хотя на своём пути мы не нападали ни на одну деревню их племени, и вообще не сражались. И что я полагал, что незадолго до нас в этих краях побывал какой-либо другой отряд, который своей неоправданной жестокостью мог снова повернуть индейцев, усмирённых ещё тридцать лет назад сеньором Педро де Алваром, против испанцев.

Что Эрнан Гонсалес ответил мне, что никакого другого испанского отряда в этих местах не бывало уже долгое время, и индейцы потому так обходились с нами, что их священники открыли им, зачем и куда мы идём. И что они убоялись проклятия от своих богов, если будут помогать нам, как будет проклят и наш отряд, если исполнит задуманное.

Что я хотел приказать высечь Эрнана Гонсалеса за то, что продолжает повторять свои богохульные сплетни, но переменял решение и отпустил его, только наказав больших никому не говорить о том, что слышал».

На сей раз я был твёрдо намерен растянуть удовольствие. К чему заглатывать всю порцию моих средневековых приключений сразу? Теперь, когда я дождался новой главы, я мог позволить себе как следует смаковать её, обдумать прочитанное, представить себе дальнейшее развитие событий.

Аккуратно отложив листы, я поднялся и прошаркал на кухню. Пока мои конкистадоры были на привале, я тоже мог позволить себе перекусить. Оленины и мяса обезьян-ревунов в холодильнике, как назло, не оказалось; пришлось довольствоваться картошкой. Готовил я её по французскому рецепту *gratin dauphinois*: сначала отварил, потом остудил, порезал, залил сметаной, посыпал тёртым сыром и так поджарил. Вся эта процедура оставляла мне достаточно свободного времени, которое можно было занять по желанию. Я не нашёл ничего более увлекательного, как домысливать за автором отчёта всё то, писать о чем он почел за лишнее.

Иссиня-чёрное чужое небо, звёзды и месяц на котором совсем не такие, как в родной Испании... Кто-то мне говорил, что в Латинской Америке (не знаю, правда, оттого ли, что они там живут в Южном полушарии, или же потому что в Западном), даже Луна выглядит иначе. О том, что на ней можно разглядеть какое-то человеческое лицо, там и слухом не слыхивали; зато весь континент убеждён, что лунные кратеры и моря складываются в очертания кролика. С ушками. И звёзды оттуда ближе.

Тонкая, непонятно кем и когда протоптанная тропа, по которой они ступали, уйдя из этой негостеприимной деревни. Неверная, обманчивая дорожка, иногда неожиданно упирающаяся в заросли: их приходится расчищать, рубя мачете толстые лианы, которые выпускают клейкий пахучий сок. А тропа уползает глубже и глубже в дебри, раздваивается, троится, заводя своими ответвлениями в трясины, в тупики, заманивая в странные ритуальные места, поляны, на которых неосторожных путешественников поджидают голодные каменные идолы и злые духи. Вихляющая, кружащаяся, она возвращает странников на только что пройденный отрезок пути, – или это только кажется? Становящаяся то совсем незаметной, – да и тропинка ли это, может, просто лесная прогалина? – то вдруг расширяющаяся и недавно кем-то расхоженная, – кем?

Сельва – загадочный, непроходимый лес, в котором незнакомые, удивительные деревья растут ствол к стволу, а всё малое пространство меж их корнями заполнено какими-то кустами, выюнками, густо переплетено лианами. Узловатые ветви деревьев увешаны непривычными тяжёлыми плодами – надкусишь один, и твоя мужская сила не иссякнет до глубокой старости, надкусишь другой – умрёшь на месте в страшных корчах. Чуть видные сквозь заросли, но при этом слышные за десятки метров огромные яркие цветы кружат голову своим ароматом.

Это лес, который никак нельзя посчитать чем-то неживым – в отличие от щетки кривых сосенок, которыми поросли холмы далекой Испании, от изморенных иберийским солнцем оливковых рощиц; да, впрочем, и от тщедушных перелесков флегматичной нашей средней полосы. Сельва дышит, движется, кипит жизнью днём и ночью, неотступно следит за путником тысячами глаз, – паучьих, кошачьих, птичьих...

Сельва и есть квинтэссенция жизни: в её чаще постоянно появляются на свет миллиарды новых созданий, и миллиарды умирают, пожирая и выпивая друг из друга соки, увядая и рас-

цветая, жертвуя собой, возвращая своих детёнышей, испражняясь, черпая свою жизненную энергию в солнце, воздухе, крови и плоти, воде, навозе, чтобы, отжив свой срок, удобрить собой жирную, кишасую червями почву и возродиться снова – в других.

Разжаривая на синем газовом пламени ломтики картошки в сметане, я думал о пламени багровом, которым горели костры испанцев на высеченных в сельве для стоянки полянах. Воображал себе рассеявшихся в круг у огня конкистадоров, красноватые отсветы на их загорелых, задубевших лицах, обросших густыми чёрными бородами, видел блики, играющие на выгнутых стальных шлемах. Вот сеньор Васко де Агилар: его я себе отчего-то представлял рыжим, косматым, кряжистым, напористым и способным схватиться за эфес без малейших колебаний. Не знаю, откуда у меня взялся в голове этот образ: до сих Васко де Агилар никак себя не проявил, выступая только в качестве почти безгласного спутника автора заметок.

Брат Хоакин мне виделся высоким, сутулым, бледнолицым, с хищно загнутым ястребиным носом, нездоровыми, насиженными за долгие ночи в монастырской библиотеке кругами под чёрными глазами, почти всегда затянутыми поволокой задумчивости, но иногда вспыхивающими праведной яростью. Серая монашеская ряса, пошитая аскетичными францисканцами из грубой мешковины, верёвка вместо пояса.

Индеецких проводников я вообразить себе не мог совсем. Одевались ли они как испанцы, или как майя? Да и как вообще одевались майя?

Самая главная странность выходила с самим автором заметок. Думая о нём, я каждый раз невольно представлял на его месте себя, но только загорелого и подтянутого – точно как ребёнок, читающий книгу про какого-нибудь Зверобоя или Чингачгука. Поймав себя на этой мысли раз, я испытал смешанное чувство – что-то между лёгким стыдом и озорством, словно тайком играл в игрушки, неположенные мне уже по возрасту, но всё ещё приносящие по-детски яркую радость.

Я собрал со сковороды остававшийся там сырно-сметанный соус куском хлеба и отправил в рот. Сейчас было бы очень правильно помыть за собой посуду, но вот незадача – горн уже трубил общий сбор, задерживаться и отставать от отряда было никак нельзя.

«Что по прошествии трёх недель, которые мы находились в пути, наш отряд преодолел не менее тридцати лиг. И что последнее селение индейцев, которые мы видели, было то самое, где удалось выменять лепёшки и муку, называвшееся Хочоб (Hochob), а после него мы опять вступили в сельву, и дорога началась весьма трудная.

Что с продовольствием становилось всё хуже, и солдаты снова стали роптать. И что некоторые говорили, что проводники хотят завести нас глубоко в лес, где наш отряд ждёт засада, и где кони не помогут нам выиграть сражение против индейцев. И что вспомнили пропавших товарищей, и некоторые утверждали, что те были истреблены в такой засаде, а не ушли обратно к Мани; и что только я, сеньор Васко де Агилар и брат Хоакин Герреро из всех испанцев знали, что проводники не предавали нас, а произошло нечто другое, чего нам не дано уразуметь, и к чему приложена рука Сатаны.

Что я много размышлял о произошедшем и искал ему объяснения, и также спрашивал у товарища моего Васко де Агилара и брата Хоакина, как они могут объяснить это. О том, что индейцы на Юкатане и в других частях этой земли приносят людей в жертву, разрубая им грудь и вырывая сердце, я слышал ещё до того, и сам был тому свидетелем в одной из деревень; видел и жертвенные камни на вершинах некоторых храмов в городе Чичен-Ица (Chichiniza), куда мне случалось приезжать по поручениям.

Однако если оставленные с Херонимо Нуньесом де Бальбоа попали в засаду, устроенную индейцами, то куда исчезли сами, и почему мы нашли

только тело проводника Гаспара Чу, но не тела солдат, и не конские трупы, и не брошенные подводы? Или же солдат обуяло безумие, и они, подобно индейцам, принесли Гаспара Чу в жертву их идолам, после чего скрылись, и ливень смыл их следы?

Что и в тот день, и в следующий, и в несколько других дней я молился совместно с братом Хоакином о спасении души (сгинувших?) товарищей, и так пока не случились новые события, которые заставили меня позабыть об их судьбе и о многом другом.

Что вскоре и я, и сеньор Васко де Агилар стали терять терпение и спросили у Хуана Начи Кокома и Эрнана Гонсалеса, долго ли ещё идти, и почему надлежит идти через сельву, и отчего тот город с храмами, о котором говорил мне брат Диего де Ланда, расположен в такой глуши, в отдалении от всех основных старинных городов, лежащих, как известно, к северо-востоку и северо-западу от Мани.

Что Хуан Начи Коком вначале не хотел говорить, но потом всё же рассказал, что на юге, в нескольких лигах от того места, где мы остановились на привал, начинаются запретные земли майя, на которых якобы и располагаются заброшенные города с храмами, кои нам надлежит отыскать. И что для индейца уже одно то святотатство, что он вступает на эти земли с нечестными побуждениями, и уже один тот подвиг духа, что не боится он возмездия индейских идолов. Но что он, Хуан Начи Коком, крещён и верит в Иисуса Христа и Пресвятую Деву, и на деяние это получил благословение своего духовного отца, настоятеля Диего де Ланды; и что потому он пойдёт с нами до конца, что бы ни случилось. И что, говоря это, он дрожал, словно его била лихорадка, и плакал как ребёнок».

Пусть у меня пока и не было достойного издания по истории майя, зато на полу в прихожей стоял превосходный географический атлас, выпущенный Академией Наук СССР в середине шестидесятых. Огромный, заведомо обречённый своими создателями на унижительное для любой книги место хранения, он никогда не влез бы ни на одну из виденных мной книжных полок, и потому смиренно пылился на паркете у стеллажей. В высоту его страницы достигали метра, и чтобы перевернуть их, приходилось приложить некоторое усилие. Каждая из них содержала подробнейшую рельефную карту определённого региона; был там и Юкатан.

Почему эта мысль не пришла мне в голову раньше? Теперь я мог проследить путь, по которому двигался испанский отряд. Пусть те карты, которые теперь были в моём распоряжении, составлялись столетия спустя описанной неизвестным автором экспедиции, ландшафт за это время вряд ли сильно изменился. Конечно, вырубili и пустили под маис и скотоводческие ранчо тысячи гектаров сельвы, но реки и горы должны были оставаться на своих местах.

Устроившись с чашкой чая на полу у раскрытого атласа, на всякий случай захватив и «Тайны» Кюммерлинга, в котором имелась пара планов местности с отмеченными древними городами и археологическими достопримечательностями, я вместе с отрядом из пятидесяти испанских солдат пустился в дорогу из Мани в неизведанные области на юго-западе.

К тому моменту, как мы вышли из древней майянской столицы, карты Юкатана, конечно, уже существовали. Эрнан Кортес за десятилетия до этого покорил обитавших в Мексиканской долине ацтеков, противопоставив их звериной жестокости и коварству ещё большую жестокость, хитрость и вероломство, а затем ещё долгие годы путешествовал по Центральной Америке, подавляя мятежи, грабя, насилуя и провозглашая язычникам власть испанской короны и католической церкви.

Кюммерлинг же ещё вдобавок писал о некоем Педро де Алваре, о котором, кстати, упоминал и автор переводимого мной отчёта. Этот конкистадор прославился своими завоевани-

ями индейских племён Гватемалы и, кажется, Гондураса, откуда, преодолев Анды, он также добрался до Юкатана.

И с тем, и с другим путешествовали картографы, так что за сорок лет некоторые из этих земель были довольно хорошо изучены. Но к югу от Мани, похоже, начиналась такая глушь, что даже коренные обитатели полуострова отправлялись туда крайне неохотно.

Когда я ещё раз перечёл вторую главу отчёта, лежавшую на моём столе, а затем сверился с картами в «Тайнах», мной стало овладевать смутное беспокойство. Пытаясь разобраться, я снова пролистал Кюммерлинга, тщательно сопоставляя все приведённые им планы с расстилавшейся на огромных страницах атласа жёлто-коричневой бумажной гладью Юкатана, на юге чуть рифлёной горными отрогами.

Тщетно.

В тех местах, куда Хуан Начи Коком и Эрнан Гонсалес вели тридцать оставшихся в живых испанцев, не было никакого старинного города, ни даже индейского посёлка, мало-мальски достойного упоминания. За поселение с названием Хочоб, которое мне не без труда удалось отыскать на карте, цивилизация, кажется, вообще не ступала.

Даже в двадцатом веке эти территории были мало освоены; в шестнадцатом же там, куда ни глянь, наверняка тянулась только первозданная, дикая сельва, раскинувшаяся на тысячи квадратных километров, сочащаяся сотнями мутных речушек и гнилых болот, таящая невиданные опасности и готовая проглотить всякого, кто осмелится вторгнуться в её пределы.

«Западня!» – чуть не крикнул я.

Индейские проводники не могли не знать об этом; предвосхищая предательство Ивана Сусанина, они вели доверившихся им иноземцев в неисследованные и гибельные земли, готовясь пропасть там вместе с ними. Хуан Начи Коком лгал, и его слёзы были фальшивкой.

Но что могло заставить обратившихся в христианство индейцев, которым настоятель Исамальского монастыря доверял как своим собственным детям, согласиться выполнить его поручение, чтобы потом предать и его, и посланных им людей? Сусанин жертвовал своей жизнью, спасая от завоевателей и иноверцев царскую семью; за самоубийственной изменой полукровки Эрнана Гонсалеса должен был скрываться секрет куда более сумрачный и опасный.

Дорого бы я тогда отдал, чтобы предупредить об этом двух командовавших отрядом конкистадоров. Впрочем, был бы я членом их маленького войска, они бы обвинили меня точно так же, как и других сомневающихся, в распускании опасных слухов и высекли, чтобы другим было неповадно; а если бы я вздумал настаивать, могли и повесить.

Однако над отчаянно прорубавшими свой путь сквозь заросли испанцами всё явственней сгушалось что-то недоброе. Гнетущее предчувствие, охватившее меня, постепенно передавалось и командирам отряда, но у них не было карт Кюммерлинга и Всемирного атласа Академии Наук, чтобы разоблачить изменников. Они начали колебаться, когда уже зашли слишком далеко, когда, наверное, и нельзя было больше повернуть назад, и оставалось только, расчищая дорогу мачете, пробираться сквозь чащу навстречу своей судьбе.

«Что на следующий день во время ночлега на наш лагерь в темноте напали индейцы, и боролись яростно, не пугаясь даже залпов из аркебуз; и что троих солдат – Луиса Карбальо, Франсиско Самарано, и Франсиско Курро – сумели поразить насмерть, а ещё четверых ранить; и что кроме них мы не досчитались ещё двоих, Хуана Гарсию и Педро Велеса, которые пропали, вероятно, взятые в плен для жертвоприношения.

Что испанцы так же сражались доблестно, и убили не меньше двадцати индейцев, и нескольких взяли в плен, чтобы допросить. И что пленники не хотели говорить, и не понимали вопросов, которые им задавали наши проводники, а между собою шептались на наречии, нашим проводникам

неизвестном. И что не стали отвечать даже под пытками, которые мы им учинили, после чего одного я заколол сам, а ещё двоих зарубили солдаты.

Что Луиса Карбальо, Франсиско Самарано и Франсиско Курро мы похоронили по христианскому обычаю, для чего вырыли могилы и над каждой установили крест, срубленный из растущих рядом деревьев.

Что раненые из нашего отряда в последующие дни не поправлялись, и с трудом переносили дорогу, и бредили. Что брат Хоакин, осмотревший их раны, сказал, что те поражены ядом, каким индейцы смазывают иногда наконечники своих стрел и копий; и сказал, чтобы мы молились об их спасении, потому что без чудесного вмешательства все они погибнут.

И что все в тот день молились об их выздоровлении, остановившись на привал. Но что молитвы наши услышали не были, и все четверо раненых скончались или в ту же ночь, или в последующую, и перед смертью кричали так, будто дьявол сам пришёл по их души.

Что из-за потери этой упали духом некоторые из нашего отряда, и снова заговорили о том, что поручение, которое мы должны выполнить, нас погубит. Но что и я, и Васко де Агилар, и брат Хоакин помнили о том, как важно было выполнить его для укрепления Святой церкви и для положения испанцев на Юкатане, и были уверены, что должны идти дальше.

Что когда я сидел у костра в один из дней, ко мне подошёл наш проводник Хуан Начи Коком и сказал, что мы вступили уже в те земли, о которых он мне говорил раньше, и что напавшие на нас индейцы охраняют вход в них. Что юкатекский язык они не понимают, поскольку пришли сотни лет назад из других земель, далеко с севера; и что про них говорят, будто те были охраной при дворце могущественных царей города Майяпан (Мауарап) триста лет назад, а после того, как цари были низвергнуты и казнены, город пал, и жители покинули его, воины с севера нашли себе новых хозяев, которым и остаются верны с тех пор.

Что хозяева их властвуют в запретных землях и по наши дни, даже десятилетия спустя после прихода испанцев, и что точного имени их не знают, но охраняющих эти земли людей с севера зовут также, как и раньше – «к'анулы», что означает «отборные воины», потому что по жестокости и отваге они не знают себе равных во всей стране майя».

Кюммерлинг, конечно, ни о каких запретных землях и охраняющих их секреты древних воинах даже и не подозревал. Но как раз в этом я скорее доверял ему, нежели Хуану Начи Кокому. Мне было совершенно ясно, что оба проводника сговорились, чтобы загубить испанцев. Нападение индейцев, будь они «к'анулами» или кем другим, было второй ловушкой, составленной на пути экспедиции конкистадоров. Только в ночной стычке те потеряли девятерых человек; отряд таял на глазах, в нём теперь должно было оставаться немногим более двадцати членов, а цель путешествия, казалось, так и не стала ближе.

Больше всего меня удивляло то, что, несмотря на тяжёлые потери, ни командиру, ни Васко де Агилару, ни приставленного к ним францисканскому монаху не приходило в голову прекратить поход и вернуться в Мани – пусть с пустыми руками, но сохранив оставшихся в живых людей. Хотя бы для того, чтобы захватив с собой подкрепления, заново укомплектовать поредевший отряд.

Отчего закалённый в боях опытный командир стал бы слепо рисковать своими солдатами ради выполнения приказа, смысла и способа исполнения которого он даже не понимает до конца? Чем объяснить такую нестигаемую решимость?

Скажем, вся троица могла быть фанатично предана церкви и лично брату де Ланде, который являлся для них непререкаемым авторитетом. Может быть, конкистадоры были ему чем-то лично обязаны, или просто настолько доверяли будущему епископу, что даже не пытались сомневаться в его правоте. Что он мог такого для них (или с ними?) сделать? Спас им жизнь? Был крёстным отцом их детей? Просто обладал сверхчеловеческим даром убеждения? А может, хитроумный настоятель накинуд на бравых авантюристов тонкие, но прочные уздечки шантажа?

Или они действительно верили в то, «как важно было выполнить его для веры и положения испанцев на Юкатане», верили настолько глубоко и искренне, что были готовы сложить за веру свои головы?

Но чем дальше я читал заметки, тем больше мне казалось, что все герои этой странной истории недоговаривают чего-то важного, такого, что разом поставило бы всё на свои места. Может, брат Диего де Ланда от своих людей узнал про некий клад? Скажем, облицованный золотыми листами храм, скрытый под листьями сандаловых и махагоновых деревьев в лошине, потерянной посреди бескрайней сельвы?

Тогда вся экспедиция обретает совсем другой смысл – манускрипты, которые надлежало доставить в Мани, были только прикрытием дерзкой авантюры, задуманной настоятелем францисканского монастыря, которому верные люди донесли про несметные богатства, спрятанные в дремучих лесах на юге полуострова. Выбрав нескольких надёжных и страждущих золота головорезов, он выговорил для них полсотни солдат и отправил за кладом.

Отодрав от крыши белокаменной пирамиды всего лишь несколько таких драгоценных листов, на родине в Испании можно купить обширное поместье и обеспечить себя до конца жизни. Скитаться в липком поту по треклятым зарослям отныне придется только во снах: можно будет вернуться домой, наконец зажить, как полагается дворянину, жениться на томной белокожей графской дочери и только в скабрёзных разговорах с приятелями вспоминать остро пахнущих низкорослых индианок...

В своём отчёте неизвестный конкистадор не стал упоминать этого – во всяком случае, пока – чтобы утаить те сокровища, которые приобрёл ценой нескольких десятков человеческих жизней, рассудив, что лишние завистники ему ни к чему.

А что же брат де Ланда? Неужели ему тоже причиталась доля от награбленных богатств? Ему или францисканскому ордену, почему бы нет. Средства для расширения монастыря или строительства нового. Брат Хоакин был отправлен с шайкой головорезов, чтобы блюсти интересы ордена: доверять им нельзя, к таким стоит повернуться спиной – сразу всадят кортик по самую рукоять. На честность и благородство тут уповать не стоит, как только они увидят крышу тайного храма, сверкающую в предзакатных лучах, тут же забудут и о своём долге брату де Ланде, и о любви к Пресвятой деве. Знаем этих пройдох.

Или не так? Может быть, для самого Диего де Ланды разыскиваемые им манускрипты были действительно ценны, а конкистадоров он заманил, посулив им сказочные сокровища, надёжно замурованные в потайной камере одного из полуразрушенных храмов вместе с нелепыми индейскими книжками, сделанными из замши и сложенными гармошкой. Принесите мне только манускрипты, остальное – ваше!

А индейские проводники? Пытались уберечь от разграбления и осквернения древние святыни своего народа? Вероятно...

Я ощущал то же, что должен чувствовать археолог, когда множество разноцветных керамических осколков, выкопанных им у развалин какой-нибудь майянской пирамиды, после долгих часов кропотливого труда начинают складываться в осмысленную и захватывающую картину старинной мозаики.

Прежде чем потушить свет и улечься спать, я на всякий случай перевернул последнюю страницу, проверяя, не осталось ли там ещё что-то, чего я не успел прочесть.

«Что на следующий день после этого пришёл ко мне Эрнан Гонсалес, и говорил со мной; и что после этой беседы понял я: брат Диего де Ланда не сказал мне всего о нашем походе. И что услышанное весьма встревожило меня; и об этом будет рассказано в Главе четвёртой сего сообщения»

El Tremedal

Моя мёртвая собака так и не дождалась положенной прогулки в эту ночь – я был слишком занят мыслями о тех тайнах, которые скрывала сельва, и тех, которые берёт от простодушных конкистадоров брат Диего де Ланда. Мне снилось совсем другое.

Нагромождение высоких пирамид, каждая из граней которых рассечена надвое лестницей, уходящей круто вверх, к плоской вершине, где находится алтарь – это ступени в небо, к богам. Летучие мыши, гроздьями свисающие с потолка титанических дворцов белого камня, построенных тысячами обречённых рабов без помощи колеса и блока, и брошенных их обитателями в один день, без видимых причин. Украшенные иероглифами стены, вырезанные в камне маски чудовищ, героев, божеств и демонов. Маленькая площадка посреди подъёма на гигантскую пирамиду, откуда открывается дверь, превращённая камнетёсами и скульпторами в распахнутую пасть Небесного Змея.

Собравшиеся в круг невысокие смуглые люди в странных одеждах, с золотыми обручами на головах. Распятый на жертвеннике, обессиленный и сломленный дурманящим напитком пленник, бессмысленным взглядом ищущий что-то вокруг себя. Монотонные причитания жрецов, одетых в подобие туник, становятся всё громче, всё страшнее...

Занесённый острый камень падает вниз, входит меж рёбер, разрывает плоть. Ещё удар – и грудная клетка вскрыта, хлещет кровь, выпученные глаза пленника затягивает смертельная пелена, а из горла с хрипом рвётся наружу ярко-красная пена, но он ещё жив. Заклание проводится по строгим канонам, за века ритуал отточен так же остро, как и жертвенный камень. Дьявольское искусство заключается в том, чтобы приносимый в жертву не умер раньше, чем рёбра с левой стороны груди с хрустом поддадутся и откроют ещё бьющееся сердце. Несчастный расстанется с жизнью только когда это сжимающийся, дрожащий, захлёбывающийся кровью комок будет вырван рукой жреца и брошен в особый сосуд. Тело, еще мгновение назад натяну-

тое судорогой, как тетива индейского лука, а теперь обмякшее, окровавленное, распотрошённое, швырнут, словно набитый трухой мешок, вниз по ступеням, где его подберут служки.

И вот ещё... Лицо у пленника – насколько его удаётся рассмотреть сквозь слой грязи и кровавой корки – белое. А мощная шея и запрокинутый подбородок густо поросли бородой.

Я сел в кровати. Сердце бешено колотилось в груди, словно это у меня его только что пытались вырвать. Подушка была влажной и холодной от пота. Комната с четырёхметровым потолком вдруг показалась мне слишком тесной, захотелось распахнуть настежь окно. Несколько минут я убеждал себя в абсурдности такого желания, потом вскочил и, дёрнув шпингалет, толкнул рамы. Внутрь хлынул сырой и стылый осенний воздух, двух глотков которого хватило, чтобы протрезветь после увиденного кошмара.

На улице уже стоял блёклый день; небо было забито ватными серыми облаками, через которые еле прорисовывался кружок тщедушного осеннего солнца. Десять утра. Обычно я сплю часов до трёх, но сегодня уснуть больше не получится. А может, я просто обманываю себя, потому что боюсь вернуться в тот сон, если мне всё же удастся забыться?

В голове ещё покачивался мутный осадок из обрывков видения, и, сунув ноги в тапки, я поплёлся на кухню разгонять его при помощи кофе.

Утренний кофе был для моей бабушки таким же полным смысла обрядом, как для майя и ацтеков – человеческие жертвоприношения. Она подходила к его завариванию со знанием дела: если совершать одни и те же действия каждое утро в течение шестидесяти лет, движения оттачиваются до филигранности. Конечно же, никакого быстрорастворимого дерьма – только зёрна, только Латинская Америка. В прежние времена благодаря дружеским связям на Кубе у неё в кладовке стояли несколько огромных крашеных в бежевый и коричневый цвета жестяных банок с кофе. Назывался он экспрессивно и вполне по-кубински – «¡Cafe Hola!». Одну из этих банок, въехав в квартиру, я обнаружил запечатанной – может быть, ее хранили на случай новой мировой войны. Аромат, конечно, давно выдохся, зёрна пришлось выбросить, но банку я пожалел и оставил. Теперь свои собственные запасы я храню только в этой банке, и, открывая её по утрам, вдыхаю душистый кофейный запах – в память о бабушке.

После себя она оставила мне и весь свой арсенал – деревянную ручную мельницу для кофе, медную турку, маленькие фарфоровые чашечки с китайским орнаментом. Больше всего мне нравится молоть кофе: ссыпаешь его в воронку, и начинаешь, словно у шарманки, вертеть тяжёлую латунную ручку. Сначала она проворачивается медленно, трудно, но по мере того, как зёрна рассыпаются в ароматную пыль, крутить становится всё проще – значит, пора добавить в воронку ещё. А потом надо выдвинуть этот трогательный деревянный ящичек снизу и выскрести из него весь порошок в кофейник. Поставив кофе на огонь, отходить от него уже строго запрещается, иначе вместо вальяжного распития бодрящего утреннего напитка придётся отскребать плиту.

Когда всё наконец готово, удовольствия от такого кофе получаешь неизмеримо больше, хотя бы просто потому что раз ради него уже столько сделано, грех теперь им не наслаждаться. Бабушка была права – и кому после этого нужны быстрорастворимые гранулы? Я даже электрическую кофемолку, и ту выкинул.

У кофе было и ещё одно важное качество: готовя его, можно было целиком посвятить себя несложным механическим движениям и заодно занять голову прилагающимся к ним несложным механическими мыслями. С каждым поворотом ручки мельницы холодный туман, оставшийся в памяти от привидевшегося кошмара, съёживался, а когда от поставленного на весёлый синий огонёк кофейника пошёл головокружительный аромат, действительность окончательно возоблала над грёзами.

Чёртов сон был, несомненно, навеян историей с теми испанцами, которых аборигенам удалось взять в плен. Автор заметок прошёлся по этому эпизоду совсем поверхностно; не знаю, отчего в моём сознании засел именно он. Больше всего меня удивило то, насколько подробно

я видел умерщвление пленных. Детали мне эти взять было совершенно неоткуда: разве что краем глаза случайно зацепился за них, листая Кюммерлинга. Но и это маловероятно: не мог же я упустить их, пока читал книгу, если они настолько поразили моё воображение!

Оставалось надеяться, что просто воспалилась фантазия. Надо было срочно оперировать, пока не начался абсцесс и прободение. Я поклялся разыскать научно-историческое описание человеческих жертвоприношений у майя, чтобы успокоить себя найденными несоответствиями.

К кофе я приготовил бутерброды с сыром и сваренное в мешочек яйцо с перцем и солью: завтрак холостяка. Главное – не капнуть желтком на брюки, иначе твоя жалкая доля станет очевидна для окружающих.

Расправившись и с тем и с другим, я без отлагательств вернулся к работе: сны снами, а заказ надо выполнять. К счастью, продолжение перевода этой книги было для меня не развлечением, а трудом, благодаря которому я рассчитывал уже на этой неделе расплатиться по счетам. Должно было даже что-то остаться – как раз на большой испанско-русский словарь. К счастью, потому что уже само слово «заказ» как бы лишало меня выбора – продолжать переводить или нет.

Наверное, именно в то утро мне впервые пришла в голову мысль, что эта книга может оказаться для меня не просто невинным развлечением. Но лишь немало времени спустя мои подозрения начали укрепляться и превращаться в твёрдую уверенность, а потом и в панику.

С подбором недостающих слов, корректурой и редактурой я справился довольно быстро: всё потому, что рабочий день начался куда раньше, чем обычно. Хотя нормальная свежесть мыслей для меня оставалась недостижимой, ещё несколько ударных доз чёрного кофе сделали своё дело. К вечеру я сел за свою старую печатную машинку «Олимпия» и набрал под копирку два экземпляра перевода.

В конторе к моему упорному нежеланию пользоваться компьютером привыкали трудно, но в конечном итоге всё утряслось. Не знаю, в чём сложность, разве не так они работали раньше – безо всяких дисков и электронной почты? Пускай другим отправляют заказы по телефонным проводам, лично я вполне в состоянии спуститься по лестнице и пройти четыре квартала, чтобы забрать их лично. Компьютерам я не доверяю и не недолюбливаю их, как, впрочем, и электронную технику вообще. Телевизор я покупать не стал из принципа: достаточно бывает посмотреть его в гостях, чтобы понять, какое через него осуществляется оболванивание зрителей. Радио подходит мне куда больше – картинок оно, конечно, не показывает, зато стимулирует воображение. К тому же, в квартире, обставленной вычурной мебелью восемнадцатого века, компьютер или телевизор просто перегорели бы от стыда за собственное убожество и сиюминутность. Даже у выпущенного в семидесятых транзисторного радиоприёмника, по которому я слушаю иногда новости, от соседства с такой мебелью частенько бывают помехи, что уж там говорить о компьютере с доступом в Интернет! Ко всему прочему, пользоваться им как следует я так и не научился.

Из двух готовых экземпляров перевода один я положил в папку, другой присоединил к собственной подшивке. Идти в бюро, однако, было уже поздно, и я остался дома, посвятив целый вечер блаженному безделью.

Ещё раз перечитал всю историю сначала; полистал Кюммерлинга, надеясь всё же найти упоминания заброшенных городов в тех местах, куда шли мои испанцы. Безнадёжно: вся территория нынешнего мексиканского штата Кампече – то есть, весь северо-запад полуострова Юкатан, была пуста. Только на сотни километров к югу, на границе Гватемалы, у озера Петен располагались ближайшие поселения. Но чтобы туда добраться, изначально следовало выбирать совсем другую дорогу; индейские проводники вели отряд именно в глубь сельвы.

Я решил просмотреть разделы, посвящённые известным древним городам майя. И именно там наткнулся на сведения, упоминавшиеся как бы походя, с намёком на то, что обра-

зованному человеку они, разумеется, должны быть известны, поэтому и распространяться об этом нечего.

Все города майя были заброшены. Не испанцы уничтожили их: когда те пришли на Юкатан, величественные дворцовые комплексы и гордые, сложенные из гигантских известняковых блоков храмовые пирамиды уже лежали в руинах. И Чичен-Ица, и Ушмаль, и Петен, и Паленке, и десятки других менее известных городов были словно в одночасье покинуты своими обитателями и с тех пор медленно разрушались. В тоскливом безмолвье широкие, мощёные белым камнем площади и арены для ритуальных игр зарастали лианами и покрывались мхом; временно оттеснённый человеком ливневый лес неторопливо возвращал себе отнятую у него сотни лет назад землю.

Испанцы тщетно пытались выяснить у живущих близ этих развалин индейцев, кто их построил. Те только разводили руками. К тому моменту, когда Кортес ступил на полуостров, цивилизация майя была уже в таком упадке, что от её бывшего могущества оставались только руины, идолы, и книги. Последние жрецы всё ещё совершали по ним свои обряды, но уже не понимали толком скрытого за ними смысла.

Это и была главная тайна, которой заманивала доверчивых читателей книжка Кюммерлинга. Что же могло случиться с великой цивилизацией? Хроники ни одного из народов, населяющих Центральную Америку не говорили о том, какая участь постигла майя, какой чудовищный удар мог привести к тому, что эта культура вдруг исчезла, а несущий её народ стремительно, за несколько поколений, выродился, вернувшись к архаичному общинному строю, из которого пытался выкарабкаться в течение долгих веков.

Пропасть между теми индейцами, которых на Юкатане увидели европейцы, и майя, создавшими огромную империю, сложную письменность, детальнейший календарь, более точный, чем тот, которым мы пользуемся сегодня, и, наконец, построившими в сельве свои громадные города, была безграничной. Первые учёные, добравшиеся до развалин Чичен-Ицы, были искренне убеждены, что обнаруженные ими сооружения были возведены древними израильтянами, кельтами, ариями, татаро-монголами – кем угодно, только не народцем, который населял эти территории теперь.

Задав вопрос о причинах крушения цивилизации майя, Кюммерлинг не давал на него ответа, отделяваясь научными гипотезами: эпидемия? Завоевание? Страшный голод? Засуха и нехватка питьевой воды? Дисбаланс в числе рождающихся мальчиков и девочек? Совокупность этих факторов?

Нашествие марсиан? – продолжил за него я. Война с гигантскими термитами? Мои версии были не хуже других. Исчерпывающего объяснения тому, что произошло, не мог дать никто, и Кюммерлинг это стыдливо признавал. Никаких следов разрушения, никаких сообщений о пережитых потрясениях в майянских хрониках. Когда культура майя уже почти пала, в их земли действительно вторглось воинственное племя тольтеков. Представители этого народа властвовали над майя в поздний период их истории, но древняя цивилизация уже до этого была смертельно больна, она задыхалась и всё равно неизбежно погибла бы некоторое время спустя. Тольтеки просто нанесли *coup de grâce*.

Я лёг спать, так ничего и не придумав. Неудивительно: если до меня эту загадку пытались разгадать десять поколений историков и археологов, шансы раскрыть истину за один вечер были невелики.

Ничего, меня ждали другие тайны. Не сегодня так завтра, как только я выцарапаю из бюро переводов четвёртую главу конкистадорского дневника, у нас с Эрнаном Гонсалесом состоится интересный разговор, который должен пролить свет на этот поход. И кто знает, ключ к пониманию каких секретов он может мне дать.

Жрецы майя и белые пленники, которым вырывали сердце, в ту ночь меня не тревожили. Я просто смежил глаза, а когда открыл их снова, за окном уже был день.

* * *

– Так быстро? – удивился сотрудник бюро. – Надеюсь, качество не страдает?

Я учтиво улыбнулся и покачал головой. Этот перевод я перечитал не меньше десяти раз, он был отшлифован так, что искрился на солнце.

– Заказчика, кажется, время поджидает, – объявил он мне. – Ещё вчера заходил, занёс следующую порцию. Не знаю, почему бы ему не избавиться от всего за один раз.

Я тоже спрашивал себя об этом и думал даже полюбопытствовать в конторе. Но теперь, когда клерк впери в меня испытующий взгляд, считая, что мне известно больше, становилось ясно, что он блуждает в потёмках так же, как и я. Оставалось только строить предположения...

– Может быть, у него и нет всего сразу, а тоже появляется по главам?

– По каким главам? Вы же говорили, там документы, – прищурился он.

– Исторические документы. Летопись. Разбитая, понятное дело, на главы, – объяснил я, уповав только на то, что он поленился вдаваться в подробности.

– И интересно?

– На любителя, – я сделал неопределённый жест рукой и ощутил вдруг какую-то странную ревность: мне не хотелось, чтобы на эти страницы смотрел кто-то ещё, кроме таинственного заказчика и меня самого.

– Непонятный случай... – он хмыкнул и затих, ожидая, что я на это скажу.

Я кивнул. Молчание затягивалось. Неужели по мне не видно, что я не настроен на долгие дружеские беседы? Сейчас мне было нужно только одно.

– Ну да ладно... В конце концов, деньги платит, и чёрт с ним. Вот, держите, – он хлопнул о прилавок кожаной папкой, точно такой же, как та, что я ему только что сдал, но не коричневой, а чёрной.

– Спасибо! – обрадованный тем, что больше нет необходимости продолжать этот неуклюжий разговор, я взял папку под мышку, суетливо попрощался и заспешил к выходу.

– Подождите! – криком остановил он меня, когда я уже был в дверях. – А как же ваш гонорар?

«Что, как и было сказано в Третьей главе, ко мне подошёл проводник Эрнан Гонсалес, имевший вид весьма встревоженный, и попросил говорить со мной наедине, так чтобы ни Васко де Агилар, ни брат Хоакин не слышали нас. И что для этой беседы мы удалились от стоянки, где отряд наш встал на ночлег, к некоторой поляне в сотне шагов.

Что, по словам Эрнана Гонсалеса, до тех мест, куда он вёл наш отряд, оставалось несколько дней пути, но что они должны были стать самыми сложными за все недели, которые мы шли. И что, став на колени, умолял меня повернуть отряд назад и ступить в Мани, сказав, что цели мы не нашли.

Что я спросил его в гневе, как смеет он сейчас, после того, как десятки наших товарищей сгинули в проклятых лесах, говорить мне о таком, и назвал его предателем. И что Эрнан Гонсалес плакал и повторял, что он не предавал, и что единственно из-за своей верности духовному отцу Диего де Ланде выполняет это поручение. И что дал мне в руки нож и просил убить его, дабы он не мучился больше.

Что этим он меня немало встревожил, и я усадил его на землю, прося рассказать, что известно ему такого, о чём ни мне, ни сеньору Васко де Агилару неведомо. И что сначала он запирался, и только когда я пригрозил

ему костром за вероотступничество, стал говорить коротко и непонятно, и плакал снова.

Что в его рассказе мне было многое неясно; из того же, что я разобрал, приведу следующее: по его словам, брат де Ланда не сообщил нам всей правды о том, зачем и куда идём. И что в тех храмах, к которым брат де Ланда отправил его с нами, хранилось нечто, бесценное для народа майя, но важное также и для других народов. И что брат де Ланда искал это повсюду, но не знал, где именно найти.

Что тогда я спросил у него, значит ли это, что мы вскоре выполним задание, данное нам настоятелем, и он ответил, что это истинно так, однако для моего блага, и для блага всех майя и других людей на Юкатане, это задание выполнять не следует. Почему же, объяснить не смог.

Что слова его про неискренность брата де Ланды я запомнил и, вернувшись после разговора с ним, уединился с братом Хоакином и сеньором Васко де Агиларом, и поделился моими мыслями с ними, и спросил, знают ли что-то о порученном нам, чего я не знаю, и наказывал ли настоятель сделать ещё что-то, о чём мне неизвестно.

Что и брат Хоакин, и Васко де Агилар удивились и не знали о таком; и что спросили, кто мне сказал это. И что тогда я сообщил им о рассказе проводника, а также и о том, что этот рассказ необходимо хранить в тайне.

Что потом видел, как сеньор Васко де Агилар говорит с Эрнаном Гонсалесом в стороне, и тот пребывает в смятении. И что мы совещались в тот день и решили всё же идти дальше, хотя проводник и предупреждал о новых опасностях, ждущих нас впереди».

Про золото по-прежнему ни слова. Зато мои предположения о проводниках, похоже, начали оправдываться. Полукровка, наверное, хотел дать испанцам ещё одну последнюю возможность передумать и вернуться. Он даже был готов возвести поклёп на своего духовного отца, лишь бы отговорить испанцев идти дальше. Хотел спасти невинные жизни или свою бессмертную душу?

Как бы то ни было, отговорить испанцев оставалось делом непростым. За несколько дней пути, якобы отделяющих отряд от цели похода, проводникам не удастся это сделать. Именно в эти дни и должны были произойти те решающие события, из-за которых составление отчёта об экспедиции вообще имело смысл.

Однако и Диего де Ланда, похоже, был не так прост. Допрашиваемый индеец юлил и пытался уйти от ответа, но нежелание отправляться на костёр сделало своё дело – он выдал своего крёстного отца. Жаль, что конкистадор не был понастойчивее и удовлетворился тем жалким бормотанием, которое ему удалось выдать из Эрнана Гонсалеса. Возможно, он просто уже считал его помешанным и не хотел, чтобы проводник окончательно расстался с рассудком?

Некий предмет, важный не только для майя, но и для всех людей? Вряд ли речь шла просто о сокровищах. Но что это могло быть, мне вообразить просто не удавалось. Какая вещь и зачем могла понадобиться будущему епископу Юкатана? Книжки? Идолы? Для чего? Мог ли он верить, что они обладают некой магической силой и пытался заполучить древние артефакты, вобравшие в себя мощь и секреты некогда великого народа?

Разумеется, оставался ещё один вариант – индейцы продолжали лгать, всё не теряя надежды запугать предводителей отряда и посеять смуту среди его рядовых членов. Что бы ни двигало ими, с каждым днём похода они уводили испанцев всё дальше от цели – в глушь, в дикие земли, где нога человека, вероятно, не ступала никогда.

На всякий случай я с особым тщанием исследовал все карты Юкатана, приведённые у Кюммерлинга и отмечавшие точками поселения разных периодов. Неважно, брался ли я за раннюю, классическую или послеклассическую (на неё-то и пришлось испанское вторжение) эпоху истории майя. Менялось расположение поселений и их названия, неведомо чем вызванные миграционные потоки влекли индейцев из одних мест в другие, одни города покидались, вторые сооружались, третьи заново поднимались из руин – но та территория, куда моих испанцев вели проводники, тысячелетиями оставалась девственно пуста. Даже на пике своей цивилизации, воздвигнув могущественную империю, власть которой распространялась за пределы Юкатана, майя не решались углубляться в эти земли на юго-западе своего полуострова.

Я сбегал на кухню, залил кипятка в заварочный чайник и принёс его с собой в комнату. Праздно рассиживать на диване, ожидая, пока чай настоится, казалось мне кошунством, не говоря уже о трате времени на приготовление ужина. Голода я совершенно не ощущал; кружка сладкого чая пригасила смутные позывы в желудке и позволила поскорее вернуться к чтению.

«Что мы вступили в места нехорошие и гиблые, в которых почва была зыбкой и неверной, и воздух дурным и несвежим. И что двигаться могли теперь лишь весьма медленно, и проводники долго выбирали дорогу, прежде чем указать её другим. И что я приставил к каждому из них арбалетчика, опасаясь предательства и бегства одного из них или же сразу обоих.

Что вскоре начались болота, в которых водились твари непривычные и опасные, и от этих болот шли гнилостные испарения, от которых кружилась голова и слабело в членах. Что оба проводника сделались весьма тревожными, и проявляли страх по непонятным причинам, и что даже когда вокруг было спокойно, порой заставляли нас сняться со стоянки и перейти на другое место, объяснений нам при этом не давая.

Что свирепые индейцы, которые напали на нас за несколько дней до этого, и в бою с которыми мы потеряли девятерых, более не показывались. И что когда я удовлетворённо сказал об этом Хуану Начи Кокому, тот сделался печален лицом, и остерёг меня от пустой радости, и сказал мне, что «к'анулы» славятся своим бесстрашием, и что если не стали идти за нами на болота, то только потому, что боятся не нас, а чего-то другого, что в этих болотах скрывается.

Что в одном из мест тропа, по которой можно было ступать, была так узка, что всего один человек мог пройти по ней, и потому мы шли цепью. И что по сторонам от этой тропы была (трясина?), тёмная и неизмеримой глубины. И что один из солдат, Исидро Мурга, не смог устоять на ней, и упал, и стал тонуть, и звать на помощь, и другой, по имени Луис-Альберто Ривас, остановился, чтобы протянуть ему руку и вытащить его. И что оба сгинули в этой топи, а очевидцы говорили, будто что-то дёрнуло тонущего вниз за ноги, когда он уже почти смог выбраться, и что тот, так и не разжав рук, утянул за собой и своего спасителя, и оба скрылись с глаз, и больше не появились. И что проводники приказали со всей поспешностью покинуть это страшное место, так избежав новых жертв.

Что эта опасная тропа продолжалась довольно долго, и до наступления темноты мы всё ещё не смогли выйти на сухое место. И что я приказал каждому из солдат называть громко своё имя по порядку, чтобы никого не потерять, и каждому следить, чтобы его соседи были в строю. И что такая перекличка шла постоянно, так что каждый отзывался один раз в минуту. Но, несмотря на эти меры, мы потеряли ещё одного человека, Игнасио Феррера, который шёл в цепочке последним, и один раз отозвался и

крикнул своё имя, а в другой промолчал, и когда шедший перед ним оглянулся назад, то не увидел там ни Игнасио Феррера, ни его следов. И что тогда дали смоляной факел не только тому, кто шёл в голове отряда, но и тому, кто шёл в его хвосте, чтобы так мог отпугивать хищников, и чтобы его пропажа была сразу заметна.

Что так шли ещё некоторое время, и потом всё же ступили на твёрдую землю, и были чрезвычайно тому рады, поскольку изнемогли и нуждались в отдыхе. И что там разбили лагерь, но проводники запретили половине из нас спать, и сказали, что необходимо быть на страже, дабы не стать лёгкой добычей обитающих здесь демонов. И что хотя брат Хоакин угрожал донести об их еретических словах брату Диего де Ланде, те упрямы и настаивали на своём.

Что было сделано по их словам, и половина спала, в то время как другая половина несла караул, и потом менялись. И что этот короткий сон был скверным, потому что на свет костра летел болотный гнус. И что эти маленькие мошки кусали сквозь ткань одежды, и спасения от них не было. Что оба проводника обмазались приготовленным средством, который и цветом и запахом напоминал кошачий помёт, и предлагали другим, однако согласились только я, брат Хоакин и ещё некоторые из солдат, большинство же отказалось.

И что те, кто согласился, тем спас себе здоровье и жизнь».

Я вытер со лба выступивший пот и с усилием расцепил впившиеся в бумагу пальцы, потом несколько раз сжал и разжал их, восстанавливая кровообращение. Вот уже третью главу подряд я играл сам с собой в путешествие по Юкатану, но впервые ощущения были так реальны, словно мне действительно пришлось идти в одной цепочке с испанцами, на шаривая гибкой палкой, выструганной из сапподилоса, почву под тонким слоем болотной жижи.

Не надо даже было стараться, чтобы представить себе ощущения дозорного, сидящего у костра и пристально всматривающегося в заросли вокруг. Освещённые красноватым пламенем, они наверняка превращаются в сплошную стену; на пяточке твёрдой земли посреди бескрайних топей чувствуешь себя как в осаждённой крепости. Болота живут своей жизнью: издают утробные стоны, выпуская огромные пузыри газа, шелестят камышом, скрипят подгнивающими стволами деревьев. Иногда эту вязкую кашу из потусторонних звуков взбалтывает истошный крик какого-то ночного животного, отнимающего или отдающего жизнь, а может, просто зовущего свою самку.

Отвести взгляд от зарослей нельзя ни на секунду – история с несчастным Игнасио Феррером произошла каких-нибудь пару часов назад, а на гибель Мурги и Риваса смотрел весь отряд, скованный ужасом. Как тут отвернуться? Караульные перекидываются похабными шуточками, вспоминают своих местных наложниц или жён с детьми, – только чтобы перестать думать о смерти. Погибнуть в сражении, захватив за собой в могилу десяток индейских чертей – не страшно, можешь успеть посмотреть в лицо смерти и остаться в памяти товарищей доблестным воином, это достойно мужчины. Не то, что захлебнуться липкой болотной жижей, чтобы на дне трясины тебя сожрала какая-то тварь...

Потом воздух начинает противно звенеть, колеблемый миллионами крошечных крыльев. Тучи болотной мошкары и москитов выются вокруг костра, облепляют фонари стражников, лезут в ноздри, в глаза, в уши и рот. Чтобы отогнать их, приходится не прекращая отмахиваться руками; это не отпугивает маленьких кровососов, просто мешает им сесть на кожу. Они не дают сосредоточиться, выводят из себя. Внутри вызревает бешенство, готовое выплеснуться на первого, кто привлечёт внимание – неважно, врагов или товарищей.

Относительно спокойно только тем, кто решился на унижение – обмазаться индейской дрянью, воняющей как кошачье дерьмо. Ничего, зато им придётся теперь натерпеться шуточек от своих страдающих товарищей. Запах-то потом отстанет, но вот память об этом походе через болота...

«Что ночь миновала спокойно, не считая докучавшего нам гнуса, и при свете дня поход продолжился быстрее, так что уже к вечеру удалось преодолеть опасную часть болот. И что вышли на место твёрдое и сухое, откуда вновь начинался лес здоровый и звери привычные. И что, успокоенные, мы решили идти медленнее. И что путь наш в тот день протекал спокойно и мирно, и до следующего привала никто из отряда не пропал и не был ранен.

Что спросили у проводников, много ли ещё остаётся идти, и те ответили, что до сокровенных храмов уже недолго, надо только выбраться на верную дорогу, двигаясь по которой, будем на месте через два или три дня. И что от этого все солдаты, и мы с Васко де Агиларом, и брат Хоакин воспрянули духом, и многие праздновали и пили настойку из маиса, которую захватили с собой, и благодарили наших проводников, которые всё же вывели их на твёрдую землю.

Что в тот день удалась и охота, и Хуан Начи Коком, сопровождаемый двумя стрелками, смог добыть нескольких крупных птиц и кабана, какой удачи с нами не случалось уже почти неделю, от чего наши солдаты и мы стали голодать.

Что сами проводники – и Хуан Начи Коком, и Эрнан Гонсалес – в праздновании не участвовали, а имели вид весьма тревожный и шептались в стороне. И что тем самым привлекли к себе моё внимание, и я приблизился к ним, чтобы узнать, о чём они говорят, но те общались меж собою на индейском наречии.

Что когда я прервал их разговор, те имели вид весьма смущённый и напуганный, но не стали запираться и повторили мне свои предостережения, а Эрнан Гонсалес снова говорил, что согрешил, приведя нас в эти земли, и что кара постигнет его за это. И что он не стал продолжать разговор с нами, а ушёл в отдалённый угол лагеря, где предался молитве, а я решил не тревожить его более, однако приказал одному из солдат и далее стеречь полукровку.

Что все остальные в тот вечер праздновали, и были в благодушном состоянии, и хотя многие были пьяны, но обычных драк не произошло. И что я один не смог позабыть о тех опасностях, о которых говорили мне проводники, и обходил ночью лагерь, обыскивая его и ожидая нападения индейцев или диких зверей. И что делал так долго, пока сон не сморил меня, но не нашёл ничего странного и подозрительного.

Что солдаты пировали и пили до утра, и что я не стал препятствовать им, поскольку смогли преодолеть большую часть пути и заслужили доброго отдыха. И что когда я лёг уже спать, некоторые ещё гуляли, и были слышны их возгласы. И что я проснулся только на рассвете, услышав в отдалении громкий крик животного, который принял за вопль ягуара. Но что зверь был далеко, и крик не повторялся, и я не стал подниматься со своей постели, а заснул снова.

Что наутро, когда караул трубил подъём, прибежал солдат и сообщил, что проводник наш Эрнан Гонсалес ночью покончил с собой, повесившись. И что полукровка Гонсалес действительно был обнаружен мной висящим на

ветви дерева в нескольких шагах от того места, где устроился на ночлег, и где я оставил его накануне в молитве.

Что приставленный мною к нему дозорный не смог объяснить, как это случилось, и в котором часу Эрнан Гонсалес отнял у себя жизнь. И сказал только, что всю ночь он следил за Гонсалесом, не смыкая глаз, спрятавшись от него, и что тот лёг, помолившись, и заснул спокойным и глубоким сном, издавая даже храп. И что этот солдат говорил, что не знал, когда сон настиг его самого, и умолял простить его за то, что он недоглядел. И что я приказал жестоко высечь его за такое, поскольку теперь наши жизни зависели только от единственного проводника, который остался жив».

На этом замечании глава обрывалась.

Вот оно! Проведя испанцев через гибельные трясины, индейцы наконец решились на измену. Сознывая, что не справятся вдвоём с двумя десятками тяжеловооружённых солдат, они решили просто бросить их на произвол судьбы. Без проводников путь назад был закрыт: болота проглотили бы чужаков, прежде чем тем удалось бы продвинуться хотя бы на пол-лиги вглубь.

О чём говорили в праздничную ночь Хуан Начи-Коком и Эрнан Гонсалес? Молились вместе? Тянули жребий – кому первым уходить к предкам? Обсуждали, что станет делать оставшийся в живых, после того как один из них покончит с собой? Оба чувствовали, что эта ночь будет для них судьбоносной – и потому не принимали участие в пирушке.

Нательного креста, христианского имени и фресок со сценами Чистилища, неумело намалёванных монахами в часовне Исамальского монастыря, оказалось недостаточно, чтобы сдержать Эрнана Гонсалеса от самого страшного греха веры его отца – самоубийства.

Боги, о которых ему тайком рассказывала мать-индианка, были могущественнее и ближе, потому предать их для него было куда страшнее, чем столетиями вариться в кипящем масле. Пока Дева Мария рассеянно улыбалась всем правоверным – и никому в отдельности – с сияющего облака, мстительные и коварные майянские демиурги недобро глядели вслед шагающему отряду, притаившись за стволами корявых болотных деревьев. Только не всем дано было почувствовать их взгляд на своей спине.

Вместо того, чтобы погибать самим, проводники, наверное, могли бы и отравить захмелевших испанцев, подмешав им яда в майсовую настойку, или перерезать их всех во сне. Однако то ли они не были уверены в своих силах, то ли не хотели марать руки их кровью. Эрнан Гонсалес предпочёл резне бегство: дождался, пока дозорный уснул, приладил верёвку к ветке повыше, сел на неё верхом, просунул голову в свой последний хомут, разжал ноги – и был таков.

Я мог ручаться чем угодно, что похожая судьба была уготована и второму проводнику, и хоронить его придётся уже совсем скоро – не далее, как в пятой главе путевых записок. Испанский отряд почти наверняка был обречён. Поднявшись со стула, я принялся расхаживать по комнате. В груди тянуло.

Нет же, урезонил я себя. Если эти записки были опубликованы, значит, их автор сумел выбраться живым из всех перипетий, досказать свою историю до конца и доверить её издателям. Приключенческие романы от первого лица именно потому оканчиваются хорошо, что главный герой должен уцелеть, иначе кто же будет их писать? Может быть множество похожих сюжетов, протагонист которых погибает страшной смертью – но историю всегда пишут победители.

Стоило мне чуть успокоиться, как бес сомнения предложил другой ответ. Незвестный конкистадор совсем не был обязан выжить, чтобы его отчёт увидел свет. Скелет, прижимающий к грудной клетке упакованный в кожаный футляр дневник, и с торчащей в глазном отверстии индейской стрелой, вполне могла найти научная экспедиция, отправившаяся в леса два с лишним столетия спустя.

Предугадать, что произошло с испанским отрядом, вышедшим на юго-запад из города Мани апрельским утром 1562 года, было невозможно. Рассказать мне об этом могла только пятая глава отчёта. Я уселся на место и пододвинул к себе стопку чистых листов и печатную машинку.

Терять дальше время было нельзя.

El Auto de Fé

Тем утром я работал, пока пальцы не задеревенели от усталости, пока я не начал промахиваться мимо клавиш машинки, и буквы не стали наползать друг на друга и сливаться. Солнце уже давно взошло, и мне пришлось задёрнуть шторы, чтобы оно не жгло мои глаза, привыкшие к полумраку.

Сознание покинуло меня незаметно: я очнулся уже за полдень и понял, что проспал всё это время, уронив голову на клавиатуру «Олимпии». Листы были беспорядочно размётаны по столу; надеюсь, я не пытался укрыться ими во сне. Голова гудела, и все мышцы ныли от нескольких часов, проведённых в этой неловкой позе. Я сполз со стула и перебрался в кровать; всего несколько секунд спустя мир померк снова.

Когда я проснулся во второй раз, за окном уже было темно. Включив свет, я запахнулся в домашний халат и направился в ванную комнату. Тело требовало неги. После пережитых приключений я вполне мог бросить его отмокать минут на сорок в горячей воде, чтобы самому тем временем заняться осмыслением прочтённого накануне.

Набрав полную ванну – просторную, отчего-то выкрашенную в удивительный сиреневый цвет – я скинул с себя халат и осторожно опустил в воду, всколыхнув облака пены на её поверхности. Обожаю принимать ванну – как ещё можно оживить ощущения, которые все мы испытывали, находясь в материнской утробе? Это входной билет в утраченный рай, действующий ровно столько, сколько вода остаётся горячей. Очень хорошо понимаю людей, которые вскрывают себе вены в тёплой ванне, предпочитая этот способ покончить с собой всем остальным. Таким образом, они словно закольцовывают свою жизнь, расставаясь с ней в исходном положении, и при этом даря себе на полчаса больше того блаженного покоя, который ожидает их по ту сторону. К тому же, за эти полчаса можно смошенничать и передумать...

Через несколько минут желаемый эффект был достигнут – моя брэнная оболочка полностью растворилась в ароматном пенистом настое, и разум наконец оказался совершенно свободен. Закрыв глаза, я принялся составлять план действий.

Во-первых, ударными темпами закончить и подчистить перевод четвёртой главы. На это я отводил себе только начинавшуюся, «молодую», как говорят итальянцы, ночь. К завтрашнему утру перевод будет готов, и поскольку сегодня я встал так поздно, ничто не мешает мне воспользоваться сбившимся ритмом, чтобы так же поздно лечь, а высвободившееся утро посвятить делам. Сначала – как только откроются магазины – в книжный, за большим словарём, возможно, двумя. Походы по библиотекам отнимают слишком много сил, я мог бы работать куда эффективнее, если бы располагал всеми нужными инструментами дома.

Проверить с новыми словарями термины, смысл которых мне не удалось взломать при помощи того, что у меня был. Затем, ещё до того, как я получу право спокойно уснуть, навещать в бюро и сдать завершённую главу. Если мне повезёт, следующая часть уже будет у них: сотрудник конторы говорил, что клиента поджимает время. Что ж, я *его* хорошо понимал; если *он* и дальше читает мои переводы, то должен, как и я, жаждать продолжения. Мы с *ним* были заодно, и мне казалось, что я мог рассчитывать на *его* содействие.

Итак, предположим, пятая глава записок уже там. Добравшись до неё, я мог вернуться домой и умиротворённо лечь в постель, возможно, прочитав на сон абзац-другой, но оставив основную часть развлечения и работы на следующий день.

Но что, если главы в конторе ещё нет? От нахлынувшей тревоги я невольно раскрыл глаза и уставился в высокий потолок; мне вдруг показалось, что вода остыла, и я крутанул красный вентиль крана, чтобы добавить горячей.

Ничего страшного, произнёс я вслух. Принесёт попозже. *Он* доволен качеством моих переводов, потеря первой главы этим оборотом-испанистом его не смутила, нет никаких причин, чтобы *он* не принёс в контору пятую часть дневника. А уж я постараюсь, чтобы она была переложена на русский на таком уровне, чтобы за ней последовала и шестая, и седьмая, и сколько их там есть вообще.

Странно, но на тот момент я уже больше не задумывался, кем может оказаться мой таинственный заказчик. Мне вполне хватало того, что он вовремя приносит в бюро очередную порцию записок конкистадора – источника моего заработка и удовольствия. Какая разница, кто интересуется переводом? Пока наши интересы совпадали, я не собирался проявлять чрезмерного любопытства, которое, к тому же, могло отпугнуть нынешнего хозяина книги.

Наспех позавтракав (кажется, это опять были бутерброды), я вернулся к рабочему столу, перечитал и начисто перепечатал вчерашний перевод. К шести утра всё было готово, оставался лишь десяток слов, в значении которых я уверен не был, и которые я предпочитал проверить по серьёзному словарю, прежде чем сдавать работу в контору. Я заварил чая и уютно устроился на кухонной тахте, завернувшись в красный клетчатый плед. До открытия книжных магазинов и библиотек оставалось ещё не меньше трёх часов, а отдых я бесспорно заслужил.

Пощёлкав переключателем на радиоприёмнике, я нашёл какую-то информационную станцию и, вглядываясь в поднимающийся от чашки пар, в пол-уха стал слушать утренний информационный выпуск.

Азиатское цунами, похоже, больше никого не занимало. В мировых новостях его сменили землетрясения в США и странах Карибского бассейна. Несколько довольно крупных городов на островах лежали в руинах. Президенты и главы военных хунт, управлявшие этими крошечными государствами, обращались за помощью к мировому сообществу. ООН обещала выделить средства на восстановление, первые самолёты «Врачей без границ» и спасатели из разных стран уже летели на острова, их прибытие ожидалось с минуты на минуту.

Штатам досталось чуть меньше: система предупреждения о сейсмической угрозе сработала безупречно, и из опасных районов удалось заблаговременно эвакуировать население, но

учёные предупреждали о высокой вероятности новых подземных толчков. Дальше шёл комментарий специалиста: что-то о сдвигах земной коры, которыми и вызваны все недавние катаклизмы.

Потом диктор напомнил о готовящихся выборах, но эта тема меня оставила равнодушным. Кажется, кто-то кого-то в чём-то обвинял, некого политика сняли с дистанции, другого нашли в подмосковном лесу с пулей в голове, третий объявил, что уходит с поста президента крупной компании, чтобы целиком посвятить себя служению Отечеству.

На последнее место – после информации о катастрофах, убийствах и кризисах – журналисты, сжалившись, решили поставить новость, которая должна была чуть сгладить полученные от выпуска отрицательные эмоции. Престижный конкурс красоты «Мисс Вселенная» выиграла россиянка. Наспех сообщив её габариты и год рождения, диктор душевно попрощался со мной. Из динамика мягко потёк Джон Колтрейн, смывая следы грязи, которая хлестала оттуда последние пятнадцать минут. Выбор был верный – рука, уже протянутая было, чтобы выключить радиолу, нерешительно зависла в воздухе, а затем вернулась в складки пледа. Я допил чай и раскрыл Кюммерлинга на первой попавшейся странице.

* * *

Найти большой испано-русский словарь не составило никакого труда. Магазины ломились от обилия разговорников, самоучителей и, собственно, словарей – самых разных, от карманных на пять тысяч слов до внушительных томов десятисантиметровой толщины.

Поиски же изданий о цивилизации майя и на этот раз оказались делом непростым. С упорством и методичностью учёного я обследовал новоарбатский Дом Книги, несколько букинистических лавок, съездил на большой книжный рынок, но всё закончилось лишь приобретением ещё пары брошюр в кричащих обложках, в названии которых непременно присутствовали слова «тайна», «загадка» или «секрет». И только завершая круг, прогуливаясь пешком от станции метро «Арбатская» к своему дому, и вновь, на этот раз разочарованно, проходя мимо Дома Книги, я случайно обратил внимание на лоточников, торгующих с рук разномастной белибердой.

В основном это были красочные увесистые альбомы, озаглавленные «Уроки Камасутры» или «Энциклопедия чувственности», кое-кто продавал самиздатовскую эзотерику, а пара подозрительных персонажей с повадками карманников приторговывала пиратскими изданиями гитлеровского «Майн Кампфа». Осознавая некоторую сомнительность своего положения, эти люди не привязывали себя к одному и тому же месту книжным прилавком. Готовые в любой момент сорваться с места и раствориться в толпе, они внимательно и хищно вглядывались в лица прохожих, пытаясь вычленивать из бесконечного людского потока своих клиентов и провокаторов из госбезопасности. Та иногда, по неведомому велению звёзд, вдруг принимается ожесточённо бороться с фашизмом, и есть даже некоторый риск попасть под волну.

...Этого человека я принял за одного из них. Размышляя о своём, я шагал вдоль рядов лоточников и рассеянно скользил взглядом по названиям выставленных на продажу книг. Принял, потому что он точно так же воровато оглядывался по сторонам и держал свой товар, чуть прикрыв его отворотом пальто. Как это часто бывает, смысл прочитанных букв не сразу дошёл до моего сознания. Когда же он выкристаллизовался, я замер, как вкопанный, а потом резко обернулся, чтобы проверить, не ушёл ли продавец, и не почудился ли мне заголовок из-за моих долгих и бесплодных поисков.

«Хроники народов майя и завоевание Юкатана и Мексики».

Ещё не успев спросить о цене, я достал кошелек.

В продававшем книгу мужчине не было ровным счётом ничего примечательного. Русые с проседью волосы, нечёткие, неуловимые черты лица – не полного и не худого, блеклые, то

ли бледно-серые, то ли бледно-голубые глаза, тёмное пальто. Я приблизился к нему с деньгами в руке, но он почему-то сделал вид, что меня не замечает. И только когда я справился насчёт книги и её содержания, мужчина упёрся в меня холодным взглядом экзаменатора, словно пытаясь определить, гождусь ли я для того, чтобы отдать мне свой товар. Я уже было подумал, что в книге вырезано отверстие, в котором лежит целлофановый пакет с неким белым порошком, и если я не скажу сейчас нужный пароль, продавец просто сбежит или заявит, что том не продаётся.

Однако он не был наркокурьером. Быстро, но цепко глянув на купюры, он назвал цену, которая показалась мне бессовестно завышенной. Увидев, что я сомневаюсь, он презрительно дёрнул плечами и лишённым интонаций голосом сказал, что издание представляет собой библиографическую редкость, потому что вышло очень небольшим тиражом чуть ли не полвека назад, и только дилетантам это может быть непонятно.

Испугавшись, что он вообще передумает отдавать книгу такому крохобору и невеже, я поспешно расплатился, оставив ему сумму, на которую мог безбедно существовать ещё недели две.

Отойдя десятка на полтора шагов, я подумал, что можно было бы спросить этого типа, нет ли у него других книг на ту же тему. Но тот как сквозь землю провалился; его место уже занял бойкий старикан, пытающийся избавиться от объёмистого труда по теориям заговоров, написанного в пожизненном заключении Рудольфом Гессом.

Когда все недостающие слова были, наконец, переведены, а глава – перепечатана под копирку начисто, я привычным уже жестом отправил копию в растущую стопку моего личного экземпляра дневника конкистадора, а оригинал убрал в кожаную папку. Усталость и сонливость начинали сгущаться, но я был твёрдо намерен заполучить следующую часть книги, прежде чем лягу спать. До конторы я добежал за десять минут.

Уже с порога были слышны чьи-то голоса. Сперва я решил, что сейчас встречу кого-то из своих коллег или заказчиков, но уже через несколько секунд понял, что это просто работает телевизор. Сотрудник бюро сидел, прикованный к экрану, расплывшись в довольной улыбке, которая так искажила его черты, что я даже не сразу его узнал. Вместо обычного кисло-презрительного приветствия он кивнул мне, не отрываясь от телевизора, и прошептал:

– Секундочку... Сейчас уже закончится.

Я положил чёрную папку на стол и оглядел полки, пытаясь отыскать на них её коричневого близнеца. Второй папки нигде не было видно: наверное, она лежала в другой комнате.

– Слышали? Наша во всемирном конкурсе красоты победила! Москвичка! – гордо объявил мне служащий, приглушая звук. – Вот три кита, на которой держится наша великая держава: нефть, оружие и бабы!

Я промолчал, не выказывая ни малейшего интереса. Тут он вспомнил, с кем разговаривает, кашлянул, одёргивая себя, и его лицо снова окаменело.

– Неужели и это уже готово? – служащий приподнял левую бровь; румянец быстро сходил с его щёк, и с той же скоростью живые эмоции уступали место искусственным.

Вместо ответа я пододвинул к нему папку. Заглянув внутрь, он достал и отдал мне конверт с гонораром.

– Следующей части нет, сразу предупреждаю, – перехватив в моих глазах невысказанный вопрос, отрезал он.

– А когда будет?

Вид у меня, должно быть, был преглупый и такой разочарованный, что клерк не смог сдержать покровительственной и немного сочувственной ухмылки. Мне было всё равно, что он там про меня думал, лишь бы сказал, что за пятой главой можно зайти уже завтра.

– Понятия не имею, – нож гильотины сорвался и рухнул вниз. – Клиент за последние дни не показывался. Зайдите в конце недели, или просто напомните мне ваш телефон, я вам наберу.

– Нет, спасибо, не стоит, я сам, я тут часто мимо хожу... – мне думалось, что отныне я буду действительно ходить мимо этой чёртовой конторы по десять раз на дню.

– Ну, как хотите, – он пожал плечами и, дотянувшись до пульта от телевизора, сделал громче.

– До свиданья, – сказал я.

Вот оно. Выйдя наружу, я закрыл глаза и втянул воздух, пахнувший бензиновой гарью и редкими ноябрьскими грозами. Прислушался к тому, что творилось у меня внутри... Как будто смотрел на своё отражение в бочке с дождевой водой, какие, бывает, стоят на дачных участках или у деревенских домов. Мой зыбкий силуэт плавал в ленивой тёмной воде, на поверхности которой почему-то лежал одинокий кленовый лист. Я глядел на себя из бочки устало и равнодушно. Апокалипсис пока не наступил, просто они задерживают главу. Ну и чёрт с ними со всеми. По крайней мере, выплыву.

Домой я вернулся совершенно обессиленный и опустошённый, но усталость моя была тягучей, как сахарный петушок на палочке, и такой же сладкой-с-лёгким-привкусом-горечи. Забившись под пуховое одеяло, я взял было в руки купленную книгу про майя, но так и не успел её раскрыть. Мысли спутались, перемешались с неверными образами, набросанными воображением, и через несколько секунд воронка сна уже засосала меня с головой.

Этой ночью мне, наконец, снова снилась моя собака, и я помню, что даже во сне был этому очень рад. Оказывается, в моей квартире, на кухне была маленькая дверка, за которой находилась какая-то каморка. В ней собака и жила всё это время, пока я считал её мёртвой. В этом сне она стала скрестись в дверь, просясь наружу, и когда я её выпустил, была так счастлива, что облизала меня всего, особенно стараясь попасть своим мокрым языком мне в нос и уши. Потом, разумеется, пришло время отправляться с ней на прогулку. Определить это можно было по обычным признакам: собака начала заглядывать мне в глаза, подбегать к выходу, а потом, отчаявшись объяснить мне свои желания намёками, принесла в зубах поводок с ошейником.

Ото сна ко сну менялись, в сущности, только обстоятельства, в которых я открывал, что она на самом деле не умерла, а как раз напротив – превосходно себя чувствует, требуя накормить её, выгулять, да ещё и играть с ней во время моциона, бросая палки, которые она потом приносила мне обратно.

Иногда, как сегодня, я обнаруживал, что всё это время она жила где-то рядом, просто мне об этом не было известно. В других вариантах этого видения она действительно умерла, но сама об этом не знала, поэтому пока я вёл себя с ней, как с живой, смерть её была как бы понарошку. Тут главное было играть по правилам, не плакать по ней, и вообще не проявлять никакой жалости – словом, делать всё, чтобы она не догадалась, что её больше нет. Впрочем, при её жизнерадостности и кипучей энергии, это была задача не из трудных. Наконец, оставались сны, в которых она просто снова была со мной безо всяких объяснений, и в них я ничего не знал о её гибели. Эти, самые лёгкие и светлые, я любил больше всего.

На сей раз гулять пришлось по незнакомому мне парку; как обычно, я спустил её с поводка, как только мы оказались на расстоянии от проезжей части. Она рвалась порезвиться на траве; лишать её этого удовольствия я никогда не решался. Когда собака была жива, из-за моего домоседства ей тоже приходилось валяться целыми днями – зимой на диване, летом на полу. Теперь же, вырываясь из царства мёртвых на короткие побывки в мои сны, ей и подавно хотелось вспомнить, для чего её создавала природа. Сеттер – порода охотничья, и я знал, чего лишаю свою собаку, поэтому старался ничем не ограничивать её, когда мы всё-таки выбирались в деревню или в парк – не важно, наяву или нет.

Через некоторое время она унеслась на такое расстояние, что я потерял её из виду. Поэтому часов до двенадцати ночи, когда я проснулся по нужде, мне не оставалось ничего другого, как одну за другой обходить пронизанные солнечными лучами аллеи летнего парка, повторяя, словно заведённому, её кличку. Всё это время моя собака носилась где-то вокруг, не попадаясь мне на глаза, и то справа, то слева, оставаясь на некоем небольшом, но недостижимом расстоянии, из кустов слышался радостный лай.

Поднявшись с кровати, я первым делом, ещё до ванной комнаты, направился на кухню, чтобы всерьёз и со всем возможным вниманием исследовать там стены.

Маленькой дверки нигде не было...

* * *

Пообещав себе не бежать в переводческое бюро, а продержаться, по крайней мере, до завтра, я придумал, чем буду заниматься в этот опустевший день. Для начала – чинный завтрак, с кофе и газетой, какого у меня не было в последние дни из-за лихорадочного увлечения испанским текстом. Потом – неторопливое и тщательное изучение книги про майя, в которой я рассчитывал найти ответы на некоторые беспокоившие меня недосказанности Кюммерлинга.

После нескольких дней на чае и бутербродах, подходящим выбором для завтрака казалась скучноватая, но безупречная для здоровья овсянка. Чтобы придать этому тюремно-войсковому блюду некоторую долю праздничности, сварив кашу, я добавил в неё жидкого цветочного мёда. Пока овсянка остывала, я развернул сегодняшнюю газету, извлечённую из почтового ящика.

Первая полоса была целиком посвящена землетрясению в Америке и на Карибах, а две фотографии в четверть листа каждая демонстрировали полностью разрушенные столицы Гаити и Доминиканской республики. Гаване, кажется, тоже не поздоровилось.

Всю вторую страницу занимало пространное интервью с победительницей конкурса красоты «Мисс Вселенная», россиянкой Лидией Кнорозовой. Её крупный снимок в инкрустированной бриллиантами королевской диадеме был помещён прямо посередине полосы. Это была, пожалуй, одна из самых странных королев красоты, которых мне пришлось повидать на моём веку.

Прежде всего, в отличие от девушек, которые обычно участвуют в подобных конкурсах, россиянке было уже хорошо за тридцать. Лицо у неё было, надо признать, приятное, но сказать, что сама Венера поцеловала девочку в лоб при рождении, было нельзя. Лидия Кнорозова брала скорее обаянием – мягкой полуулыбкой пухлых губ, трогательными морщинками, расходящимися от глаз – фотограф даже не потрудился наложить стоящий макияж, чтобы ретушировать возраст королевы. Она ничуть не напоминала нимфеток с огромными серыми глазами, традиционно представляющих Россию на таких соревнованиях. При всём желании я не мог себе вообразить, каким образом эта миловидная, но заурядной внешности женщина сумела впечатлить жюри, когда рядом с ней возвышались на своих уходящих к небесам головокружительных ногах знойные волоокские мулатки из Венесуэлы и Аргентины.

Заинтересовавшись секретом успеха Лидии, я прочитал её интервью. Никаких объяснений тому, как она могла победить, россиянка не давала. Вместо этого она рассказывала о своём жизненном пути, карьере – она была старшим научным сотрудником в каком-то культурологическом институте – и благодарила за воспитание и поддержку своих родителей, как и принято делать в подобных случаях. В особенности тепло Кнорозова отзывалась о своём больном отце, на лечение которого она и собиралась передать всю сумму, доставшуюся ей вместе с королевским титулом.

Я пожал плечами и закрыл газету.

Книга действительно была необычной. Она очень напоминала один из томов бесконечной медицинской энциклопедии, изданной в середине тридцатых годов, по крайней мере сорок томов которой раньше стояли у бабушки на полках.

Название – «Хроники народов майя и завоевание Юкатана и Мексики» – было выдавлено белыми буквами на добротной картонной обложке. Плотная качественная бумага капельку пожелтела за несколько десятков лет, прошедших со дня выхода книги в свет, но не состарившись, *а настоявшись*, словно дорогое вино в особом подвале. Поднеся том к лицу, я пролистнул несколько десятков страниц и втянул носом сладковатый библиотечный запах книжной пыли. Этот аромат, который невозможно спутать ни с чем другим, мгновенно настраивал меня на нужный лад. Пахнувшая так книжка вызвала непреодолимое желание завалиться с ней на тахту и читать её неспешно, включив уютную вечернюю лампу с зелёным абажуром, словно потягивая через трубочку любимый коктейль.

Удивительное дело – на титульном листе названия издательства не значилось. Имя автора, набранное мелким шрифтом сверху страницы, почему-то навевало мысли о Библии; вполне вероятно, что это был псевдоним. Звали его Э. Ягониэль, и никаких сведений об этом учёном, написавшем такой солидный на вид труд, книга не содержала. Что сказать ещё? Москва, 1961 год. Печать офсетная. Тираж 300 экземпляров. Впечатление оставалось противоречивое: с одной стороны, с виду это была советская научная книга *par excellence*, с другой, что-то в ней было решительно не так; она настораживала и казалась искусной подделкой. Но только кому придёт в голову подделывать советские научные книги?

Судя по оглавлению, издание было составлено подробнейшим образом: история полуострова описывалась ещё с тех времён, когда по нему бродили древние кочевники. Десятки страниц автор посвящал доклассической эпохе, ещё больше внимания уделялось тем векам, в течение которых майя достигли пика своего могущества. Главы, отведённой крушению цивилизации, я не обнаружил, но отчего-то был совершенно уверен, что Э. Ягониэль знал о нём побольше выскочки Кюммерлинга, надо было только запастись терпением и прочитать всё от корки до корки.

Зато в разделе, описывавшем прибытие испанцев и начало колонизации, сразу бросалась в глаза глава о францисканском епископе Диего де Ланде и его трудах. С францисканца-то я и решил начать подробное знакомство с книгой: мне как воздух были необходимы знакомые лица, чтобы освоиться в неприветливом мире средневековой Южной Америки, рассматриваемой сквозь роговые очки социалистической науки шестидесятых.

Однако ни одной ссылки на реалии непростого времени, в которое писался научный труд, я не нашёл. В тексте вообще ни разу не упоминались какие-либо научные авторитеты, публиковавшиеся позже начала столетия, из чего я сделал вывод, что книга Э. Ягониэля, вероятно, была переводной, и сама создавалась ещё до Первой Мировой войны; но о точном сроке написания я мог только догадываться.

С первых же абзацев, прочтённых на любой, выбранной наугад странице, автор давал понять, что в предмете своего исследования он разбирается досконально.

«Диего де Ланда Кальдерон родился 12 ноября 1524 года в местечке Сифуентес, в испанской провинции Гвадалахара. Пейзажи, которые он увидел вокруг себя, открыв глаза, и среди которых он рос – виноградники, покрывающие склоны небольших холмов и тополевые аллеи, бесчисленные речки и ручейки, – разительно отличались от того, что он мог созерцать за окном своей кельи, прежде чем он в последний раз опустил веки 29 апреля 1579 года.

В том же 1524 году, когда Диего де Ланда Кальдерон произошёл на свет, исследователь и воин Педро де Альварадо основал город Сантьяго де Лос-Кавальерос в покорённой им Гватемале. Но завоевание Юкатана,

куда будущий епископ прибудет только в 1547 году, чтобы остаться там до гробовой доски, ещё только начиналось, и испанская корона даже не помышляла включить полуостров в пределы рождающейся Вест-Индийской империи.

В истории Конкисты фигура епископа де Ланды остаётся одной из противоречивейших. Он – и гонитель покорённых испанцами майя, и их защитник от зверствующих помещиков и солдатни. Это он подробнейшим образом описал их быт, верования, нравы, обычаи, это он сделал попытку расшифровать их письменность. Это Диего де Ланда без надлежащих полномочий взял на себя смелость вершить суд над язычниками и их богами. Именно этот самозванный инквизитор устроил в июле 1562 года в Мани грандиознейшее auto de fé, спалив в один день почти все имевшиеся ритуальные книги и летописи майя, а заодно и деревянные статуи божеств, также покрытые надписями, содержание которых для современной науки было бы бесценно. И при этом написанная им работа «Сообщение о делах в Юкатане» стала главнейшим и авторитетнейшим для майянистов источником знаний о том, что представляла из себя культура майя. Если бы де Ланда никогда не существовал, то не было бы в её нынешнем виде и науки о тех индейцах, которых он так усердно обращал из язычества в христианство. Однако, вероятно, в этом гипотетическом случае не было бы такой нужды и такого научного любопытства в изучении их цивилизации, потому что этот народ и по сей день сохранил бы свою потрясающую культуру».

Наскоро просмотрев жизнеописание францисканского монаха до тех пор, пока он не прибыл на Юкатан, я честно попытался найти хоть что-нибудь интересное в подробно изложенной истории сооружения Исамальского монастыря. И пока я довольно рассеянно проглядывал эти страницы, у меня перед глазами всё словно потемнело, а воздуха стало не хватать. Всё совпадало. Я прозрел.

«...инквизитор устроил в июле 1562 года в Мани грандиознейшее auto de fé, спалив в один день почти все имевшиеся ритуальные книги...»

Тот же год, тот же город, тот же самый мрачный монастырский настоятель. Описанные в переводимом мной дневнике приключения совершенно определённо были предысторией событий, произошедших в Мани в июле.

Трое индейцев, путешествовавшие с моим отрядом, были очень обеспокоены целью экспедиции. Спустя всего несколько дней после того, как испанцы вышли из Мани, ещё в первой части дневника, один из проводников пытался разузнать у командиров, правда ли, что в других местах Юкатана конкистадоры и монахи собирают и жгут книги майя.

Я вскочил с дивана и бросился в комнату, где на рабочем столе лежала стопка листов с напечатанной на них моей личной копией перевода. Нужный отрывок нашёлся сразу же:

«...сообщил, что в некоторых областях, в частности в Майяпане, Яшуне и Тулуме, испанские солдаты жгут индейские книги и идолов. И что этот Эрнан Гонсалес спросил меня, почему они так поступают, и нет ли похожего приказа у меня. И что хотя я и догадывался теперь, зачем брат Диего де Ланда отрядил нас в этот поход...»

Теперь в построении гипотез больше не было никакой необходимости. Оставалось только прочитать у Ягонизеля пассажи, рассказывающие о великом сожжении в Мани. Как же я не вспомнил об этом и просто не сопоставил факты, ещё когда нашёл упоминание о том злополучном аутодафе у Кюммерлинга?

«По словам самого брата де Ланды, об уничтожении всех индейских идолов и священных книг он задумался в июне, а именно в день, когда у ключника монастыря св. Михаила-архангела в Мани сорвались с цепи и сбежали его собаки. Отправившись на розыски, этот индеец настиг своих собак в небольшой пещере неподалёку от монастыря. Псы лаяли, остановившись перед низким и тесным проходом, которого ключник сначала не заметил. Движимый любопытством, он решился проникнуть внутрь и, пройдя некоторое расстояние, вышел в помещение, где стояли деревянные и каменные статуи, изображающие индейских богов, измазанные свежей кровью. Были там и другие признаки того, что совсем недавно в пещере проводились религиозные церемонии. Обо всём увиденном этот молодой крещёный индеец честно сообщил настоятелю.

Узнав, что пятнадцать лет спустя после прибытия в эти земли миссионеров, аборигены продолжают поклоняться своим идолам всего в нескольких шагах от католических храмов, и, возможно, совершают даже, как и раньше, человеческие жертвоприношения, Диего де Ланда пришёл в неистовство. Обсудив положение с другими францисканцами и с гражданскими властями, он решил раз и навсегда покончить с язычеством во вверенных ему областях. Для его искоренения брат де Ланда не видел средства более надёжного, чем уничтожение объектов поклонения и памяти о них, и потому приказал свезти в Мани со всей округи идолов, книги, написанные на оленьей коже и коре, и многое другое. Неполный перечень предметов, оказавшихся сваленными на главной площади Мани 12 июля 1562 года, был опубликован в XIX веке испанским учёным, доктором Хусто Сьеррой. Доктор говорит о 5 тысячах идолов различных форм и размеров, 13 больших камнях, используемые в качестве алтарей, 22 небольших камнях, покрытых иероглифами, 27 свитках, также содержащих иероглифы и знаки, и 197 ритуальных сосудов. Есть все основания полагать, что на самом деле инквизиции удалось наложить руку на куда более значительное количество таких предметов, и в особенности книг. Но сколько бы их ни было, все они в памятное утро 12 июля 1562 года были разбиты и сожжены. Одним выверенным ударом францисканскому монаху Диего де Ланде удалось обратить десять веков истории великого народа майя в пыль и пепел.

Урон, нанесённый братом де Ландой науке, столь же неизмерим, как безгранична та брешь, которая образовалась из-за него в культурной сокровищнице человечества. Достаточно только сказать, что из-за своего фанатичного рвения к чистоте веры Ланда и его приспешники сумели истребить почти все летописи майя, наравне с религиозными книгами и литературными произведениями. Всего три майянских рукописи пережили эту катастрофу. Сегодня они известны как кодексы – Парижский, Дрезденский и Мадридский, именуемые так по названиям городов, в библиотеках которых они хранятся. Ещё одним важным памятником являются книги «Чилам Балам», написанные в XVI веке на языке майя, но латинскими буквами. Разумеется, остаются и надписи на стелах и архитектурных памятниках, которые всё ещё стоят нетронутыми в джунглях Юкатана, однако нет никаких сомнений в том, что большая часть знаний, которые содержались в сожжённых книгах, утеряна для человечества безвозвратно.

Что двигало Диего де Ландой и можно ли его судить за то, что он сделал? Надо помнить, что когда францисканцы высадились в Центральной Америке, называемой тогда Вест-Индией, индейские племена, жившие в этих землях, часто держались очень жестоких верований. Может быть, это в большей степени касается воинственных ацтеков, чем племён майя, но почти во всех культурах Центральной Америки были широко распространены человеческие жертвоприношения, которые у ацтеков достигали пугающего размаха, а также ритуальное самоуродование и членовредительство. А если к тому же принять в расчёт малопривлекательные и иногда откровенно страшные изображения индейских богов, становится неудивительно, что эти религии должны были казаться христианским священникам сатанинскими культами, а все те божества и обожествлённые герои, которым поклонялись майя и другие народы Вест-Индии, францисканским монахам однозначно представлялись демонами.

Таким образом, пытаясь выкорчевать язычество среди аборигенов, брат де Ланда был полностью убеждён, что сражается с чистейшим на земле проявлением зла. Кроме того, немаловажно отметить, что обратившиеся в католичество индейцы были намного надёжнее и покладистее тех, кто упрямо продолжал исповедовать веру своих отцов. Насаждая христианство, испанцы упрочали своё положение как колонизаторы.

Было бы слишком наивно считать, что на кострах горели только книги и идолы. Достоверно известно, что тех аборигенов, которые не желали отказываться от своих верований, пытали и жестоко избивали, и многих из них ждала страшная смерть.

Любопытно другое. В короткое время, прошедшее после завоеваний Кортеса, испанское общество неясным образом достигло той стадии моральной эволюции, которая предполагала рефлексию и раскаяние в содеянных грехах, даже если средства были оправданы целью. Коснулось это и Конкисты – многие влиятельные мыслители и богословы того времени считали, что испанцы не имеют права подчинять себе, поработать и угнетать народы на открытых ими континентах, видя в аборигенах бессловесный скот, а не равных себе человеческих существ.

Именно поэтому, когда до Короны дошли слухи о жестокостях, которые учиняет в своей вотчине брат де Ланда, того вызвали для разбирательств в Мадрид. Спасло исамальского настоятеля только то, что Генерал францисканского ордена лично выдал ему бумагу с подтверждением инквизиторских прав де Ланды, которыми тот изначально не располагал. Процесс по его делу продолжался несколько лет и закончился оправданием де Ланды. В эти-то годы обвиняемый и начал писать свою этнографическую работу «Сообщение о делах на Юкатане», спустя столетия прославившую его на весь мир.

Злые языки утверждают, что он создал её исключительно для того, чтобы обелить себя и оправдать свои деяния. Другие думают, что брат де Ланда раскаялся в том, что сотворил и попытался возместить причинённый ущерб, собрав и записав все сведения о майя; как бы то ни было, сему делу он посвятил остаток своей жизни.

Э. Ягониэль расправился с мучившими меня загадками с той же лёгкостью, с какой Диего де Ланда Кальдерон стёр память о целом тысячелетии, полном удивительных свершений, кро-

вопролитнейших войн и невероятных потрясений. Настоятель Исамальского монастыря, как он и сам объяснял автору дневника во второй главе, стремился обессилить местные культы и обезопасить испанские колонии.

Открыв тем июньским днём, что чуть ли не под распятием церкви в Мани неблагодарные индейцы всё ещё приносят жертвы деревянным кумирам, он понял, насколько хрупко положение и его ордена, и его соотечественников в Юкатане, и принял единственно возможное и верное решение.

Проводники отправленного им на юго-запад отряда в этом случае действительно просто оберегали идолов и книги своего народа, так как кое-где монахи их уже жгли. Никаких сказочных сокровищ, сплошная геополитика и религиозный фанатизм. Во всей этой истории, вдруг ставшей такой ясной и незамысловатой, меня продолжал тревожить только один вопрос.

Если существование языческих капищ в Мани обнаружилось в июне, и именно тогда брат де Ланда задумался впервые об истреблении индейских идолов и книг, как же могло получиться, что он отправил мой отряд в секретную экспедицию, явственно приуроченную к аутодафе, за целых два месяца до этого?

La Fiebre

В том, что поручение у отряда было секретным, сомневаться не приходилось. Я внимательнейшим образом прочитал всё, что Э. Ягониэль имел сказать по поводу аутодафе в Мани, но нигде не смог найти какого бы то ни было упоминания о том, что Диего де Ланда пытался подготовиться к нему раньше июня. Несколько костров в разных селениях, в которых сожгли с десяток идолов, не имели никакого отношения ни к истории с большим аутодафе, ни к самому де Ланде. Разумеется, он знал об этих происшествиях, но прямых приказов не отдавал.

Если же предположить, что мантию инквизитора настоятель монастыря св. Антония в Исамале примерял на себя ещё задолго до случая с ключником и его псами... Воспользовался ли он им просто как предлогом для начала наступления на язычников? Инсценировал ли он его сам? Тогда вполне можно было допустить и то, что причины, изложенные им командирам моего отряда, тоже являлись всего лишь отговорками. Солгавши единожды, кто тебе поверит? Фигура брата де Ланды казалась мне всё более неоднозначной.

Опасаясь пускаться в построение паранойяльных гипотез без наличия серьёзных доказательств, я решил остановиться на той версии, что де Ланда действительно просто заботился о вере и отечестве, а свою операцию спланировал ещё задолго до лета 1562 года, дожидаясь только, пока всё будет готово и появится повод для начала «военных действий». Я даже не исключал, что вся история с монастырём св. Михаила-архангела и его любопытным ключником была частью этого плана, и о существовании некой пещеры с идолами брату де Ланде было прекрасно известно и раньше, но он приберегал её до нужного дня.

Поскольку сам де Ланда предпочитал отмалчиваться, а Ягониэль считал вопрос исчерпанным, у меня оставалась только одна надежда найти объяснение этому несоответствию. Я должен был заполнить следующую главу дневника и перевести её.

Ни утром, ни днём заснуть мне так и не удалось, хотя я честно отлёживался в кровати с закрытыми глазами. Не знаю, что больше мне мешало забыться – то ли, что моё бедное тело окончательно запуталось в часах, отведённых ему на сон и на бодрствование, или же лихорадочные мысли, несущиеся со всех сил, словно зверёк в колесе, но не находившие выхода и остававшиеся на месте.

Тем не менее, на вылазку в контору я решился только после обеда. Словно на рыбалке, я боялся спугнуть заветную рыбину излишней суетой. Чем докучать надменному хлыщу за компьютером, лучше чуть подождать... Пусть каждая минута терпения даётся мне с трудом, пусть нужно всё время отвлекать себя от желания встать и пойти наконец в треклятое бюро, зато за эти шестьдесят секунд возрастает вероятность того, что кожаная папка с новым заказом уже будет ждать меня там. Вынимать сети, чтобы поглядеть, кто в них заплыл, я отправился часа в четыре, хотя изначально собирался сделать это буквально перед самым закрытием бюро.

В последние дни сильно похолодало, и дожди шли всё реже, но сейчас случился как раз один из тех пасмурных вечеров, когда свинцовые капли, падающие со свинцового неба, обещали неминуемый ливень. Зонта я с собой, как назло, не захватил.

За полсотни шагов до конторы меня вдруг охватило нехорошее предчувствие. Больно кольнуло в виске, и я отчего-то подумал, что никакой главы сегодня не получу. Дорого бы я теперь отдал, чтобы всё ограничилось только этим.

Когда я приоткрыл дверь и проскользнул внутрь офиса, сотрудник бюро вздрогнул так, будто увидел привидение. На нём просто лица не было: глаза нервно бегали по сторонам, руки бессмысленно ворошили кипу бумаги, сваленную на столе, а волосы были всклокочены.

– Что с вами? – спросил он меня.

– Со мной? – опешил я, собираясь задать тот же вопрос ему.

– Вы себя в зеркале видели? Нет, серьёзно, у вас всё в порядке?

Нешуточная тревога, которая послышалась мне в его голосе, заставила меня подойти к окну и взглянуть мельком на своё отражение. В зеркало я не смотрелся уже довольно давно. Последние бессонные дни сказались на моей внешности не самым лучшим образом: глаза ввалились, подбородок и щёки покрыла растущая клочками щетина, да и о причёске я, естественно, тоже не подумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.